Исторія возникновенія и созданія „Мертвыхъ Душъ“.

I.

Сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“, какъ и сюжетъ „Ревизора“, былъ данъ Гоголю Пушкинымъ. Пушкинъ разсказалъ Гоголю, какъ одинъ аферистъ, воспользовавшись недосмотромъ въ положеніи о залогѣ помѣщичьихъ имѣній въ опекунскій совѣтъ, скупилъ сотни крестьянскихъ душъ, давно исчезнувшихъ со свѣта, но скоро былъ пойманъ.[1]) Но о самомъ фактѣ передачи сюжета существуютъ противорѣчивыя показанія, въ которыхъ довольно трудно разобраться. Тогда какъ одни говорятъ, что Пушкинъ добровольно уступилъ сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“ Гоголю, другіе утверждаютъ, что Гоголь только ловко воспользовался довѣрчивостью своего друга, который въ откровенной бесѣдѣ разсказалъ ему и самый анекдотъ, и то, что онъ думалъ изъ него сдѣлать. Такъ Гоголь въ своей „Авторской исповѣди“ прямо говоритъ: „Пушкинъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе... и отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ

[1]) См. Веселовскій, Этюды и характеристики, стр. 564; ср. Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя, т. III, 73 и Сочиненія Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 490.

хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому. Это былъ сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“. [1]) Но другіе источники представляютъ дѣло нѣсколько иначе. Такъ Анненковъ прямо заявляетъ, что Пушкинъ не совсѣмъ охотно уступилъ свое достояніе, [2]) и приводитъ затѣмъ отзывъ поэта о Гоголѣ, который „въ кругу своихъ домашнихъ говорилъ смѣясь: съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣй: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя.“ Изъ разсказа Павлищева, сына любимой сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны, также выходитъ, что Гоголь своевольно воспользовался анекдотомъ, разсказаннымъ ему Пушкинымъ. Сообщивъ Гоголю анекдотъ, Пушкинъ прибавилъ, что воспользуется имъ для прозаическаго разсказа. Гоголь будто не подалъ никакого вида, что заинтересовался разсказомъ, а между тѣмъ, не теряя времени, принялся за дѣло, и когда познакомилъ Пушкина съ первыми набросками романа, то послѣдній былъ такъ очарованъ, что примирился или долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ. Сестрѣ своей Пушкинъ показывалъ даже программу задуманной повѣсти, жалуясь на лукавство Гоголя и съ досадой называя его хитрымъ малороссомъ. Впрочемъ—прибавляетъ онъ—я не написалъ бы лучше. Въ Гоголѣ бездна наблюдательности и юмору, которыхъ въ иныхъ нѣтъ. [3])

Но эти сообщенія противорѣчатъ тому, что занесла Смирнова въ свой дневникъ: „Пушкинъ провелъ четыре часа у Гоголя и далъ ему сюжетъ для романа, который, какъ Донъ-Кихотъ, будетъ раздѣленъ на пѣсни. Герой объѣдетъ провинцію. Гоголь воспользуется своими путевыми записками.“ [4]) Если вспомнить при этомъ слова Гоголя, что Пушкинъ для того, чтобы убѣдить его приняться за большое со-

[1]) Сочиненія, изд. X, т. IV, 249. Ниже постоянно цитуется это изданіе.

[2]) Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, 1877 г., т. I, стр. 184.

[3]) Шенрокъ, III, 73; ср. Рус. Старина, 1880, V, 79—80, Историческій Вѣстникъ, 1888 г.; т. II, стр. 296 и Шенрокъ IV, 237—239.

[4]) Шенрокъ III, 72; Сѣверный Вѣстникъ 1893, III, 141.

чиненіе, приводилъ ему въ примѣръ Сервантеса, который, хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но еслибы не принялся за Донкишота, никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, [1]) то такое почти буквальное совпаденіе словъ Гоголя и Смирновой, кажется, ясно говоритъ о томъ, что Гоголь вовсе не похищалъ сюжета у Пушкина. Если и было у Пушкина добродушное негодованіе на Гоголя зато, что онъ его обираетъ, то оно возникало не потому, что Гоголь хитро пользовался неосторожно оброненными мыслями Пушкина, а потому, что онъ быстро пользовался указаніями своего друга и претворялъ ихъ въ дѣло, возбуждая тѣмъ невольную, добродушную зависть въ Пушкинѣ, который видѣлъ такое быстрое осуществленіе своихъ сюжетовъ. Иначе трудно объяснить, какъ могъ Пушкинъ, при всемъ своемъ добродушіи и незлобивости, такъ восторженно встрѣтить первыя главы „Мертвыхъ Душъ“ и такъ участливо слѣдить за дальнѣйшимъ созданіемъ поэмы и вообще находиться въ прекрасныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Гоголемъ.

Кромѣ того, недавно появилось сообщеніе, что сюжетомъ для „Мертвыхъ Душъ“ могло послужить событіе, случившееся во времена Гоголя на его родинѣ и ему извѣстное. „Мысль написать „Мертвыя Души“ взята съ моего дяди Пивинскаго, разсказывала Гиляровскому Марья Григорьевна Анисимо-Яновская, это я навѣрно знаю и знаю, какъ это произошло. Самую мысль „Мертвыхъ Душъ“ далъ Пивинскій. Исторія „Мертвыхъ Душъ“ такова: у Пивинскаго было 200 десятинъ земли и душъ 30 крестьянъ и дѣтей пятеро. Богато жить нельзя, и существовали Пивинскіе винокурней. Вдругъ, это еще до меня было, начали разъѣзжать чиновники и собирать свѣдѣнія о всѣхъ, у кого есть винокурни. Пошелъ разговоръ о томъ, что у кого нѣтъ 50 душъ крестьянъ, тотъ не имѣетъ права курить вино. Задумались тогда мелкопомѣстные: хоть погибай безъ винокурни! А Харлампій Пе-

[1]) Авторская исповѣдь, соч. IV, 249.

тровичъ Пивинскій хлопнулъ себя по лбу и сказалъ: „Эге! не додумались!“ И поѣхалъ онъ въ Полтаву, да и внесъ за своихъ умершихъ крестьянъ оброкъ, будто за живыхъ. А такъ какъ своихъ, даже съ мертвыми, далеко до 50 не хватало, то набралъ онъ въ бричку горилки, да и поѣхалъ по сосѣдямъ, и накупилъ у нихъ за эту горилку мертвыхъ душъ, записалъ ихъ къ себѣ и, сдѣлавшись по бумагамъ владѣльцемъ 50 душъ, до самой смерти курилъ вино и далъ этимъ тему Гоголю, который бывалъ у Пивинскаго, да кромѣ того и вся Миргородчина знала про мертвыя души Пивинскаго.“ [1]) Приведши этотъ разсказъ, Гиляровскій добавляетъ: „біографы Гоголя доказываютъ, что Пушкинъ далъ ему тему для „Мертвыхъ Душъ“. Нисколько не отрицая этой версіи, я смѣю полагать, что, можетъ быть, Гоголь въ бесѣдѣ съ Пушкинымъ разсказалъ ему, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, происшествіе съ Пивинскимъ, и Пушкинъ ему посовѣтовалъ воспользоваться этимъ матеріаломъ“. [2]) Можетъ быть, было и такъ, что разсказъ Пушкина о ловкомъ аферистѣ, который скупалъ мертвыя души, напомнилъ Гоголю о происшествіи, случившемся на его родинѣ, и Гоголь сказалъ объ этомъ Пушкину. Тогда Пушкинъ и посовѣтовалъ ему заняться этимъ сюжетомъ и воспользоваться путевыми записками, въ которыхъ, быть можетъ, находился и самый разсказъ о Пивинскомъ.

Кромѣ заимствованія—что, какъ извѣстно, является неважнымъ при оцѣнкѣ достоинства произведенія—и пользованія совѣтами и указаніями Пушкина, Гоголь имѣлъ еще и нѣкоторыхъ литературныхъ предшественниковъ, которые такъ или иначе помогли ему при созданіи его поэмы. Прежде всего, мы должны сказать, что „Мертвыя Души“ являются совершеннѣйшимъ образцомъ, такъ называемаго, „плутовского романа“ (picaresco, schelmenroman). Прототипомъ подобнаго романа является извѣстное произведеніе испанской литераруры XVI вѣка „Жизнь Лазарильо

[1]) Русская Мысль 1902, I, 85—86.
[2]) Ibid., 86.

изъ Тормесъ, его удачи и неудачи,“ которое несправедливо приписывается одному изъ выдающихся государственныхъ людей царствованія Карла V, именно Діего Гуртадо де Мендоза. [1]) Уже при первомъ своемъ появленіи плутовской разсказъ былъ романомъ нравовъ, а не приключеній. Кромѣ того это въ высшей степени сатирическій романъ [2]). Испанскій плутовской разсказъ оказалъ вліяніе на всю западно-европейскую литературу, и лучшимъ его отраженіемъ во французской литературѣ является „Histoire de Gil Blas de Santillane“ Лесажа. Безконечныя, необычайныя приключенія Жильблаза, стягивающія интересъ романа къ испытаніямъ одного человѣка, даютъ возможность пересмотрѣть всѣ показныя стороны и всѣ закоулки французскаго быта; не навязывая читателю прѣсной морали, не дѣлая героя образцомъ добродѣтели, гонимой порокомъ, а, напротивъ, выдвигая въ немъ сильную примѣсь продувного плутовства, помогающаго ему извиваться среди превратностей и всегда находить выходъ, Лесажъ предоставляетъ фактамъ говорить за себя, юморъ освѣжаетъ трезвость его наблюденій, заставляя отгадывать у мнимо безпечнаго, добродушнаго разсказчика благородное и негодующее сердце. [3])

Кромѣ этихъ образцовъ западно-европейскаго плутовского романа, мы еще можемъ обратить вниманіе на италіанскія герои-комическія поэмы XVII и XVIII вв., которыми увлекался Гоголь тогда, когда писалъ „Мертвыя Души“. Вотъ что онъ говоритъ о нихъ: „Намъ извѣстна только одна эпическая литература итальянцевъ, т. е. литература умершаго времени, литература XV и XVI в., но нужно знать, что въ прошедшемъ XVIII и даже въ концѣ XVII в. у итальянцевъ обнаружилась сильная наклонность къ сатирѣ, веселости, и если хотите изучить духъ нынѣшнихъ итальянцевъ, то

[1]) Объ этомъ см. Лазарильо изъ Тормесъ, переводъ съ испанскаго И. Гливенко, предисловіе Морель Фасіо къ его переводу, стр. XXI.

[2]) Ibid., XII.

[3]) Коршъ-Кирпичниковъ, Исторія всеобщей литературы, французская литература XVIII в., стр. 8.

нужно изучать ихъ въ ихъ поэмахъ герои-комическихъ. Вообразите, что собраніе autori burleshi italiani состоитъ изъ сорока толстыхъ томовъ. Во многихъ изъ нихъ блещетъ такой юморъ, такой оригинальный юморъ, что дивишься, почему никто не говоритъ о нихъ." [1])

Было и въ русской литературѣ такое произведеніе, которое примыкаетъ къ серіи плутовскихъ романовъ и которое, несомнѣнно, оказало свое вліяніе на „Мертвыя Души",—это „Россійскій Жиль-Блазъ или похожденія князя Гаврилы Семеновича Чистякова"—Нарѣжнаго. Произведенія Нарѣжнаго хорошо были извѣстны Гоголю; изъ нихъ онъ заимствовалъ сюжеты и даже многіе факты для своихъ сочиненій, напримѣръ, въ „Вій" и „Тарасъ Бульбѣ" изъ „Бурсака", въ „повѣсти объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ" изъ „Двухъ Ивановъ или страсти къ тяжбамъ", даже въ „Ревизорѣ"—изъ комедіи Нарѣжнаго „Заморскій принцъ". [2]) Несомнѣнно, и „Россійскій Жиль-Блазъ" не остался неизвѣстнымъ Гоголю. Въ виды Нарѣжнаго входило постепенно обозрѣть всѣ закоулки русской жизни, но онъ не успѣлъ выполнить своей задачи; отдѣльные эпизоды у него иногда чрезмѣрно разростаются, онъ принужденъ бываетъ прибѣгать къ аллегоріи, но тамъ, гдѣ ему удается прямо подойти къ русскимъ житейскимъ фактамъ онъ пролагаетъ дорогу Гоголю, вводя читателя въ помѣщичьи усадьбы, на деревенскую улицу, въ захолустный городъ, старый судъ. Можно было бы найти даже нѣсколько мелкихъ чертъ совпаденія между обоими романами, говоритъ Ал. Веселовскій. [3])

---

[1]) Письма, V, 318; новое изданіе писемъ (Шенрока). I, 496. Я не могъ заняться сравненіемъ этихъ герои-комическихъ поэмъ съ произведеніемъ Гоголя, хотя это сравненіе, быть можетъ, дало бы богатые результаты для выясненія генезиса „Мертвыхъ Душъ".

[2]) Въ этой комедіи Нарѣжнаго есть майоръ Прилуцкій, который въ хвастовствѣ не уступаетъ Хлестакову, см. Бѣлозерская, Нарѣжный, Рус. Старина, 1891 г., VI, 541—542.

[3]) Этюды и характеристики, стр. 574; ср. Бѣлозерская, Нарѣжный, Рус. Старина, 1891 г., VIII, 236. О вліяніи романа Булгарина „Выжигинъ" на изображеніе уѣзднаго города, чиновничьей среды и провинціальныхъ помѣщиковъ см. Историческій Вѣстникъ 1902 г., II, 577.

Въ другомъ произведеніи Нарѣжнаго—„Аристіонъ или перевоспитаніе“ (1822) встрѣчается скаредъ Тарахъ, иронически называемый „бережливымъ“, который очень напоминаетъ Плюшкина. [1]) У него слуга ходитъ въ лохмотьяхъ, а служанка босикомъ; онъ по каплямъ наливаетъ льняное масло въ яшную кашу; въ болѣзни не рѣшается ѣсть похлебку съ курицей и печеныя яблоки, хотя богаче всѣхъ своихъ сосѣдей; не платитъ доктору за визиты и лѣкарство, и даже продаетъ зайца, подареннаго ему гостемъ. Ради скопидомства, онъ заманиваетъ крестьянскихъ коровъ, овецъ, куръ и гусей на свой кормъ, а потомъ сгоняетъ ихъ къ себѣ на дворъ, какъ вознагражденіе за потраву. Наконецъ, панъ Тарахъ, подобно Плюшкину, былъ нѣкогда только бережливымъ хозяиномъ, но достоинство это простеръ до того, что сдѣлался гнуснымъ скрягою. [2])

Кромѣ этихъ воздѣйствій отъ западно-европейскаго плутовского романа, идущихъ или непосредственно, какъ, напримѣръ, отъ „Жиль-Бляза“ Лесажа, или посредствомъ такихъ его русскихъ отраженій, какъ „Россійскій Жильблазъ“ Нарѣжнаго, „Иванъ Выжигинъ“ Булгарина, въ западно-европейской литературѣ мы можемъ указать еще два произведенія, которыя оказали свое вліяніе на „Мертвыя Души“—это „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса и „Сентиментальное путешествіе“ Стерна. Мы знаемъ, что для побужденія Гоголя приняться за большое сочиненіе, Пушкинъ приводилъ ему въ примѣръ Сервантеса. Смирнова говоритъ, что „Пушкинъ далъ Гоголю сюжетъ для романа, который какъ „Донъ-Кихотъ“ будетъ раздѣленъ на пѣсни. Гоголь воспользуется своими путевыми записками“. Итакъ, Гоголь долженъ былъ обратить особенное вниманіе на „Донъ-Кихота“ и тщательно его изучить. Само

[1]) Ср. Семевскій, Очеркъ изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ первой половинѣ XIX в., Русская Старина, 1887 г., XI, 104—105.

[2]) Галаховъ, Исторія русской словесности, т. II., стр. 183; см. Нарѣжный, Сочиненія, т. V, стр. 151 и далѣе; ср. Бѣлозерская, Нарѣжный, Рус. Старина, 1891, 6, стр. 533.

собою разумѣется, что изученіе „Донъ-Кихота“ вызывало въ сочиненіи Гоголя прямо противоположныя черты. Донъ-Кихотъ покидаетъ свое мирное дѣдовское гнѣздо ради осуществленія рыцарскаго идеала, всѣми забытаго и попраннаго, для защиты угнетенныхъ и слабыхъ. Чичиковъ стремится къ прямо противоположному идеалу: онъ не желаетъ освобождать гонимыхъ, а желаетъ самъ угнетать и разорятъ, хотя и говоритъ, что страдалъ за правду. Въ концѣ своей жизни Донъ-Кихотъ раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ; такъ и Чичиковъ, послѣ долгихъ злоключеній, рѣшаетъ наконецъ оставить плутни и сдѣлаться честнымъ человѣкомъ. [1]) „Сентиментальное путешествіе“ Стерна принадлежитъ къ типу, т. н. reiseroman, романовъ-путешествій. Характерными чертами этого вида произведеній является отсутствіе какого-нибудь устойчиваго плана, быстрая, неожиданная смѣна картинъ, обиліе лирическихъ изліяній автора. Все это мы находимъ и въ „Мертвыхъ Душахъ“. Вмѣшательство автора въ разсказъ, особенно часто повторяющееся въ первоначальной редакціи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ и вообще непривычное въ тогдашнихъ литературныхъ нравахъ“, говоритъ Ал. Веселовскій, [2]) могло опираться и на примѣръ Пушкина, сдѣлавшаго въ этомъ отношеніи починъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, и на еще болѣе подходившій по складу таланта юморъ Стерна. Для рѣзкихъ переходовъ изъ одного душевнаго настроенія въ другое, замѣтныхъ и въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя, но особенно учащенныхъ въ поэмѣ, точно также англійскій юмористъ могъ служить ободряющимъ образцомъ.“

Впрочемъ, мы не особенно стоимъ за воздѣйствіе на Гоголя указанныхъ выше двухъ выдающихся произведеній западно-европейской литературы. За нихъ стоитъ Ал. Веселовскій. Кромѣ того,

---

[1]) См. Веселовскій, Этюды и характеристики, стр. 567—568; ср. его же Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, изд. 2, стр. 213, и Le roman russe, par Vogüe, который думаетъ, что „le veritable père des Ames mortes est Cervantes“, p. 106.

[2]). Ibid., 571—572.

по мнѣнію Веселовскаго, на идею и планъ „Мертвыхъ Душъ“, но только не раньше начала 40-хъ годовъ, оказала большое вліяніе „Божественная комедія“ Данте. „По толкованію Данте, которое мы находимъ въ его посвященіи „Рая“ Кану-Гранде делла-Скала, герцогу Веронскому, его поэма есть opus docstrinale, смыслъ котораго многоразличенъ. Сверхъ смысла буквальнаго, три прочіе смысла—аллегорическій, моральный и анагогическій, по объясненію Данте, подчинены еще болѣе общему смыслу—духовному или, по Данте, аллегорическому въ болѣе широкомъ смыслѣ. Предметомъ „Божественной комедіи“, по буквальному смыслу ея содержанія, является различное состояніе душъ въ загробной жизни; по аллегорическому же, человѣкъ вообще, заслуживающій награду или кару со стороны Божественнаго Правосудія своими, по свободной волѣ совершаемыми, добрыми или злыми поступками. Задачу поэмы составляетъ приведеніе людей отъ тяготящаго ихъ на землѣ зла и несчастій въ состояніе вѣчнаго блаженства. Заключающаяся же въ ней философія—чисто нравственная, такъ какъ преслѣдуемая ею цѣль не спекулятивная, а практическая: исправленіе погрязшаго въ грѣхахъ человѣка. Такимъ образомъ, Божественная комедія заключаетъ въ себѣ развитіе нравственно-религіозной идеи въ аллегорической формѣ видѣнія или посѣщенія загробнаго міра съ дидактическою, назидательною цѣлью“. [1]) Такая же нравственно-религіозная идея возрожденія, возможнаго для самаго презрѣннаго изъ людей, начала, какъ увидимъ ниже, занимать и Гоголя въ концѣ его работы надъ первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“. Самое дѣленіе произведенія на три части, съ особымъ назначеніемъ для каждой изъ нихъ, напоминаетъ намъ поэму великаго флорентійца. Въ первомъ томѣ „Мертвыхъ душъ“, подобно Аду, мы находимъ только пошлыхъ дюдей; во второмъ томѣ, въ pendant Purgatorio, обрисованы люди, представляющіе смѣсь добра и зла, и наконецъ въ третьемъ томѣ должны были выступить вполнѣ совершенныя, идеальныя лица [2]).

[1]) Коршъ-Кирпичниковъ, Исторія всеобщей литературы, II, 822.
[2]) См. подробно объ этомъ Веселовскій. ibid., 591—605.

Но больше всего, конечно, внесъ Гоголь въ свое произведеніе изъ своихъ личныхъ наблюденій. Смирнова говоритъ, что на совѣщаніи Пушкина съ Гоголемъ относительно „Мертвыхъ Душъ“ рѣшено было, что Гоголь воспользуется своими путевыми записками. Записки эти могли относиться къ поѣздкѣ Гоголя въ Малороссію и обратно въ 1832 и 1835, но эти записки до насъ почти не дошли. Онѣ могли дать Гоголю много матеріала для его поэмы, такъ какъ Гоголь любилъ вообще собирать свѣдѣнія и разныя наблюденія и заносить ихъ въ свои записныя книжки. Затѣмъ современники и позднѣйшая критика указали въ „Мертвыхъ Душахъ“ много чертъ и образовъ, взятыхъ изъ дѣйствительности, окружавшей Гоголя. По свидѣтельству Данилевскаго, многіе изъ Гоголевскихъ типовъ создавались подъ впечатлѣніями, производимыми первоначально кѣмъ-либо изъ его знакомыхъ. Погодинъ указывалъ, что въ личности Констанжогло отразились нѣкоторыя черты богатаго откупщика Бенардаки. [1]) Интересно, что въ одномъ отрывкѣ изъ 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“ вмѣсто Костанжогло—стоитъ Берданжогло. [2]) Въ Муразовѣ нѣкоторые узнавали родственника Лермонтова—Столыпина. [3]) Въ профессорѣ, забрасы-

[1]) Шенрокъ, III, 429; Русскій Архивъ, 1865, стр. 895.

[2]) Сочиненія Гоголя, 3, стр. 583.

[3]) Сочиненія Лермонтова, изданіе Рихтера, т. VI, стр. 245, примѣчаніе: „Есть указанія на то, что Гоголь Муразова отчасти списалъ съ..... Столыпина.“ Но можно думать, что на образъ Муразова въ значительной степени отразились и черты Бенардаки, знаменитаго Петербургскаго милліонера и откупщика. На это важныя указанія даетъ намъ письмо Гоголя къ Нащокину, промотавшемуся помѣщику, который много походитъ на Хлобуева. По описанію Гоголя въ этомъ письмѣ, Бенардаки является человѣкомъ, „понимающимъ глубже вещи, нежели другіе, владѣющимъ яснымъ, вѣрнымъ взглядомъ и умомъ глубоко практическимъ,“ онъ „пріобрѣлъ богатства силою одного ума и глубокихъ соображеній, а не удачами и слѣпымъ счастьемъ,“—все это такія черты, которыя напоминаютъ Муразова. А главное, Бенардаки, совмѣстно съ Гоголемъ, желалъ спасти Нащокина отъ того критическаго положенія, въ какомъ онъ находился съ семьей, совершенно разорившись, и предлагалъ ему мѣсто учителя своихъ дѣтей. Письма Гоголя, новое изданіе, т. II, стр. 188—194.

вавшемъ новыми взглядами и новыми точками воззрѣній, видѣли злобный намекъ на Грановскаго, а въ недоучившемся рѣзкаго направленія студентѣ—Бѣлинскаго. [1]) Въ Кошкаревѣ нѣкоторые видѣли намекъ на Викулина (знакомаго Жуковскаго) [2]), въ Маниловѣ—Василія Ивановича Юрьева, женатаго на двоюродной сестрѣ Данилевскаго, въ Пѣтухѣ—отставного полковника 12 года Ѳ. А. Данилевскаго, въ эманципированной женщинѣ, въ которую влюбленъ Платоновъ, [3]) авторъ предполагалъ изобразить Смирнову, въ генералъ-губернаторѣ—графа А. П. Толстого или мужа Смирновой, Калужскаго губернатора, который энергично боролся со взяточниками. [4]) Коробочка, по словамъ Анисимо-Яновской, „прямо, кажется, списана съ ея тети Пивинской“. [5])

Само собою разумѣется, что всѣ указанныя лица дали Гоголю только лишь первоначальныя впечатлѣнія, отправившись отъ которыхъ и переработавъ которыя, онъ впослѣдствіи создалъ типы. Гоголь самъ говоритъ въ „Авторской исповѣди,“ что онъ никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. „У меня только то и выходило хорошо, что взято было изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности“. [6]) Но портретовъ онъ никогда не писалъ: „я никогда не писалъ портрета,“ продолжаетъ

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1872, VII, 434. Ср. статью Шевырева въ первой книгѣ Москвитянина за 1842 г., гдѣ онъ называетъ Бѣлинскаго недоучившимся студентомъ; Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. II, стр. 137.

[2]) Загаринъ, Жуковскій и его произведенія, стр. 363.

[3]) См. у меня ниже.

[4]) Веселовскій, Этюды и характеристики, стр. 580.

[5]) Русская Мысль, 1902, I, 85.

[6]) Сочиненія, 4, 256. О подобномъ-же процессѣ творчества и у Тургенева см. его сочиненія т. X, стр. 101: „я долженъ сознаться, что никогда не покушался „создавать образъ,“ если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лицо, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы. Не обладая большою долею свободной изобрѣтательности, я всегда нуждался въ данной почвѣ, по которой я бы могъ твердо ступать ногами.“

онъ, „въ смыслѣ простой копіи. Я создавалъ портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія. Чѣмъ болѣе я вещей принималъ въ соображеніе, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданье. Но воображеніе мое не подарило меня ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ". [1])

Затѣмъ въ „Мертвыхъ Душахъ" мы находимъ отраженіе многихъ чертъ личнаго характера Гоголя, его привычекъ, странностей и т. д. Самъ Гоголь неоднократно заявлялъ, что его сочиненія—исторія его собственной души, что своимъ героямъ онъ придавалъ свои личныя качества. „Прямо скажу все," говоритъ онъ въ одномъ письмѣ: „герои мои потому близки моей душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія —исторія моей собственной души." [2]) „Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться." [3]) Современники подтверждали эти слова Гоголя, напримѣръ, Арнольди, братъ Смирновой, который ссылался въ этомъ отношеніи „на всѣхъ, кто зналъ Гоголя коротко." [4]) И дѣйствительно, въ „Мертвыхъ Душахъ" мы находимъ много автобіографическаго. Кудрявая витіеватость рѣчей Чичикова въ сильной степени напоминаетъ застарѣлый у самого Гоголя недостатокъ, отъ котораго онъ постоянно стремился избавиться,—склонность къ отборнымъ, красивымъ фразамъ, полнымъ многословія и реторики. Въ юности его почти всѣ письма, кромѣ дружескихъ, написаны этимъ слогомъ. Но еще отроческія письма Гоголя полны Маниловскихъ оборотовъ, напримѣръ: „Позвольте, дражайшая маменька, позвольте поздравить васъ съ днемъ ангела вашего, съ симъ блаженнѣйшимъ днемъ для каждаго нѣжнаго и благороднаго сына. Ваша родительская любовь и нѣжность, ваши благодѣянія, ваши о мнѣ попеченія,—все сіе побуждаетъ меня приняться за

[1]) Сочиненія, 4, 257.
[2]) Переписка, сочиненія, IV, 86.
[3]) Ibid., 91.
[4]) Русскій Вѣстникъ, 1862, № 1, стр. 72—74.

перо, чтобы изъявить вамъ свою благодарность. Но, къ несчастью, оно столь не твердо, силы мои такъ слабы, а о благодарности я и думать не могу; она не что иное есть, какъ слабая тѣнь, въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что я вамъ долженъ.“ [1])

Гоголю стоило вспомнить слогъ своихъ писемъ этого пошиба, чтобы схватить вѣрный тонъ для рѣчей Манилова; отъ первыхъ строкъ приведеннаго письма такъ и вѣетъ „майскимъ днемъ“ и „именинами сердца,“ говоритъ Веселовскій. [2])

Любилъ Гоголь и покушать, подобно Собакевичу, находилъ онъ въ себѣ что-то „Хлестаковское,“ [3]) сближающее его съ Ноздревымъ и т. д.

Наконецъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ есть черты, сохранившіяся въ памяти Гоголя изъ школьной и вообще изъ его личной жизни, напримѣръ, разсказъ о гусарѣ, о провинившемся школьникѣ, о состояніи человѣка передъ отъѣздомъ, когда все уже уложено, а лошадей нѣтъ, и т. д., и т. д.

Встрѣчается въ „Мертвыхъ Душахъ“ и повтореніе какъ-бы старыхъ образовъ, уже извѣстныхъ читателю по прежнимъ произведеніямъ Гоголя, напримѣръ, Ноздревъ, полицеймейстеръ, дама просто пріятная, напоминающая Анну Андреевну и др.

Изъ такихъ разнообразныхъ матеріаловъ должны были создаться „Мертвыя Души.“ Посмотримъ теперь, какъ онѣ создавались.

II.

Начало созданія „Мертвыхъ Душъ“ должно быть отнесено ко второй половинѣ 1835 года. 7 октября 1835 года Гоголь извѣщалъ Пушкина: „Началъ писать „Мертвыя Души“. Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хоро-

[1]) Письма V, стр. 15; новое изданіе I, 22.

[2]) Этюды и характеристики, 576.

[3]) Письма, VI т., 350—351.

шаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хоть съ одного боку всю Русь." [1]) Но есть основанія предполагать, что лѣтомъ 1835 года Гоголь еще не писалъ своей поэмы. Въ основаніе „Мертвыхъ Душъ," какъ извѣстно, должны были лечь путевыя записки Гоголя. Эти путевыя записки Гоголь велъ лѣтомъ 1835 года, когда ѣздилъ домой на отдыхъ. Сохранились только отрывки этихъ путевыхъ записокъ, и нѣкоторыя описанія ихъ буквально совпадаютъ съ подобными же мѣстами „Мертвыхъ Душъ." [2]) Итакъ, начало поэмы Гоголя должно быть отнесено къ осени 1835 года. По свидѣтельству С. Т. Аксакова, „Пушкинъ погибъ, зная только наброски первыхъ главъ „Мертвыхъ Душъ." [3]) Гоголь-же выѣхалъ за границу въ половинѣ 1836 года. Слѣдовательно, почти за годъ Гоголь мало написалъ изъ своего произведенія. [4]) Причиной этого было слѣдующее обстоятельство. По словамъ Гоголя, первыя главы (или наброски первыхъ главъ, по словамъ Аксакова) были прочитаны Пушкину. „Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ Душъ" въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде (т. е. первоначально написаны), то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ-же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда-же чтеніе окончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!" „Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тутъ-то я увидѣлъ, прибавляетъ Гоголь какъ-то неясно, что значитъ дѣло, взятое изъ души, и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее отсутствіе

[1]) Письма, новое изданіе I т., стр. 353—354.

[2]) Объ этомъ см. подробно Сочиненія Гоголя, VII, стр. 487.

[3]) Русскій Архивъ, 1890 г., VIII, 27—28; ср. Сочиненія Гоголя, VII, 577.

[4]) Шенрокъ думаетъ, что до отъѣзда за границу было набросано не болѣе шести главъ, Сочиненія Гоголя, VII, 498.

свѣта. Съ этихъ поръ я уже сталъ думать только о томъ, какъ-бы смягчить то тягостное впечатлѣніе, которое могли произвесть „Мертвыя Души“. [1]) Такимъ образомъ, на первыхъ-же порахъ созданія поэма Гоголя подверглась переработкѣ въ сторону смягченія удручающаго впечатлѣнія. Но, очевидно, и въ первоначальныхъ наброскахъ ея не было каррикатуры, когда Пушкинъ, такъ хорошо знавшій Россію, пришелъ въ восторгъ отъ нея. Вотъ какъ передаетъ Смирнова то впечатлѣніе, какое произвело на Пушкина чтеніе Гоголемъ первыхъ главъ „Мертвыхъ Душъ“: „Пока Гоголь читалъ, Пушкинъ, по своей привычкѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ онъ остановился передъ Гоголемъ, положилъ ему обѣ руки на плечи, долго смотрѣлъ на него и наконецъ сказалъ ему: „Умница,“ затѣмъ поцѣловалъ его въ лобъ, въ знакъ одобренія. Онъ снова заходилъ по комнатѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Невеселая штука—Россія.“ Надъ нѣкоторыми сценами онъ отъ всей души хохоталъ, потомъ сдѣлался чрезвычайно задумчивъ и наконецъ сказалъ Жуковскому: „А маленькій-то хохолъ, каковъ!“ Пушкинъ также поцѣловалъ и Плетнева, который всегда откроетъ какой-нибудь кладъ.“ Мужъ Смирновой говорилъ ей, что Гоголь вѣрно описываетъ помѣщиковъ и чиновниковъ, Пушкинъ-же заявилъ, что Гоголь ничего не выдумываетъ, что всѣ его описанія совершенная правда, страшная правда. Послѣ чтенія Пушкинъ, обратившись къ Смирновой, сказалъ, что она должна взять Чичикова подъ свое крылышко, хоть онъ и неказистъ. [2]) Очевидно, Гоголь просто смутился отъ того тяжелаго впечатлѣнія, какое произвели на Пушкина его правдивыя описанія, и началъ ослаблять мрачный колоритъ. Это, вѣроятно, и было причиной замедленія въ работѣ, такъ что за годъ Гоголь мало могъ написать для своего произведенія.

Сначала у Гоголя не было никакого плана при созданіи „Мертвыхъ Душъ.“ „Я началъ было писать, не опредѣливши

[1]) Сочиненія Гоголя, IV, 89.
[2]) Шенрокъ, III, 74.

себѣ обстоятельнаго плана, не давши себѣ отчета, что такое именно долженъ быть самъ герой. Я думалъ просто, что смѣшной проектъ, исполненіемъ котораго занятъ Чичикова, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры, что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными.“ [1]) Не всему, что здѣсь говоритъ Гоголь, мы повѣримъ на слово. Едва-ли съ самаго начала поэмы не ясно было Гоголю, что Чичиковъ у него будетъ обрисованъ, какъ плутъ. Что-же касается трогательныхъ явленій, съ которыми онъ хотѣлъ перемѣшать смѣшныя, то мысль о нихъ, хотя и зародилась у Гоголя при самомъ началѣ созданія „Мертвыхъ Душъ“, какъ показываетъ и другое мѣсто изъ „Авторской исповѣди,“ [2]) но она еще не настолько укрѣпилась, чтобы сбить Гоголя съ его истинной дороги. Даже оканчивая первую полную редакцію своей поэмы, онъ защищаетъ свое сатирическое направленіе въ извѣстномъ отрывкѣ VII главы—„Счастливъ писатель;“ [3]) онъ признаетъ великое значеніе и другого, идеальнаго направленія, онъ хотѣлъ бы „ударить въ возвышенныя струны, но это ему запрещаетъ сдѣлать „суровый, неумолимый голосъ, предъ кѣмъ блѣднѣетъ человѣкъ,“ и онъ

[1]) Сочиненія Гоголя, X, IV, 250. Аксакову Гоголь лично говорилъ, что началъ писать „Мертвыя Души“, какъ любопытный и забавный анекдотъ.—Сочиненія VII, 489; Русскій Архивъ, 1890, VIII, 46.

[2]) „Послѣ „Ревизора“ я почувствовалъ болѣе, нежели когда либо прежде, потребность сочиненія полнаго, гдѣ было-бы уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться.“ Ср. еще слѣдующія строки, которыя вписалъ Гоголь въ 1835 году (т. е. въ то время, когда онъ началъ „Мертвыя Души“), въ свою записную книгу, возмущенный тогдашнимъ фальшивымъ состояніемъ русской литературы: „Русскаго мы просимъ! Своего давайте намъ! Что намъ французы и весь заморскій людъ! Развѣ мало у насъ нашихъ *плутовъ*, которые тихомолкомъ употребляютъ во зло благо, изливаемое на насъ нашимъ правительствомъ, которые превратно толкуютъ наши законы, которые, подъ личиною кротости, подъ рукою дѣлаютъ дѣлишки не совсѣмъ хорошія. Изобразите намъ нашего честнаго, прямого человѣка, который среди несправедливостей, ему наносимыхъ, остается не поколебимъ въ своихъ положеніяхъ.“ Артистъ, 1890 г., 5, стр. 85—86.

[3]) Сочиненія Гоголя, VII, 80—81.

остается вѣренъ своему направленію; онъ признаетъ, что „и его подвигъ не менѣе почтенъ,“ и „отталкиваетъ прочь раболѣпную просьбу, жажду людей самозабвенія,“ не желаетъ „окуривать головы“ и льстить „человѣческой гордости.“ [1])

Прочитавши первыя главы „Мертвыхъ Душъ“ Пушкину и оставшись недоволенъ тѣмъ тягостнымъ впечатлѣніемъ, какое онѣ на него произвели, Гоголь принялся ихъ передѣлывать. Но эта работа производилась, очевидно, уже за границей. Тревоги, связанныя съ постановкой „Ревизора“, мѣшали ему работать надъ „Мертвыми Душами“ въ Россіи, и онъ рѣшилъ уѣхать за границу. „Ѣду за границу“, писалъ онъ Погодину 10-го мая 1836 года, „тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники;“ [2]) и въ другомъ письмѣ къ нему-же: „Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія“. [3]) Но много времени ушло у Гоголя на выясненіе своихъ авторскихъ обязанностей, и работа надъ поэмой шла въ прежнемъ направленіи, хотя, быть можетъ, и нѣсколько смягченномъ послѣ чтенія Пушкину.

Вновь, послѣ чтенія Пушкину первыхъ главъ, принялся Гоголь за свое произведеніе только за границей. „Я началъ въ Веве писать и продолжать моихъ „Мертвыхъ Душъ“, которыхъ было *оставилъ*“, пишетъ онъ Данилевскому отъ 23 октября 1836 года изъ Лозанны. [4]) Работа скоро опредѣлилась, и 12-го ноября 1836 года Гоголь уже писалъ Жуковскому: „Я принялся за „Мертвыя Души“, которыхъ было началъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь

[1]) Сочиненія Гоголя VII, 80—81.

[2]) Письма, V, 255; новое изданіе, I, 370.

[3]) Письма, V, 261; новое изданіе, I, 378.

[4]) Ibid. V, 282; новое изданіе I, 412. У Шенрока ошибочно сказано, что Гоголь даже за продолженіе „Мертвыхъ Душъ“ вновь принялся только въ Швейцаріи глубокой осенью 1837 года, а потомъ въ Парижѣ, III 447; ср. ibid. стр. 133—134.

веду его спокойно, какъ лѣтопись. Если совершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь,—вещь, которая вынесетъ мое имя. Каждое утро, въ прибавленіе къ завтраку, вписывалъ я по три страницы въ мою поэму, и смѣху отъ этихъ страницъ было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокій день". [1]) Очевидно, въ это время планъ у Гоголя значительно расширился, такъ какъ раньше онъ хотѣлъ показать всю Русь только „съ одного боку". [2]) Но скоро въ Веве стало холодно, онъ началъ грустить. „Меня не веселили мои „Мертвыя Души", говоритъ онъ дальше въ своемъ письмѣ: „я даже не имѣлъ въ запасѣ столько веселости, чтобы продолжать ихъ". Докторъ посовѣтовалъ перемѣнить мѣсто, и Гоголь отправился въ Парижъ. Тамъ онъ нашелъ теплую квартиру, и работа снова пошла хорошо. „Мертвыя текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи", продолжаетъ онъ сообщать Жуковскому: „передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы,—словомъ, вся православная Русь". Онъ даже замышляетъ новое произведеніе, кое-что „слышитъ изъ него", но пока „погруженъ весь въ „Мертвыя Души". „Огромно, велико мое твореніе, и не скоро конецъ его", продолжаетъ Гоголь; „еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но что-жъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. Терпѣніе! Кто-то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ-же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни". [3]) Вотъ когда уже Гоголь начинаетъ говорить

[1]) Письма Гоголя; новое изданіе, I, 414.
[2]) См. у меня выше.
[3]) Письма Гоголя; новое изданіе, I, 415—416.

о важности своего произведенія, и эту важность онъ видитъ пока въ томъ сатирическомъ направленіи, которому и раньше служилъ, и которое породило ему много враговъ, а въ будущемъ пріобрѣтетъ ему ихъ еще больше. Въ этомъ-же письмѣ Гоголь проситъ Жуковскаго сообщить ему „какіе-нибудь казусы, которые могутъ случиться при покупкѣ „Мертвыхъ Душъ“. Ему „хочется страшно вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ“. Онъ проситъ и Пушкину сказать о томъ, не найдетъ-ли и онъ чего-нибудь съ своей стороны для его сюжета. Въ это время Гоголь до того увлекается величіемъ „Мертвыхъ Душъ“, что всѣ свои прежнія произведенія, даже „Ревизора“, считаетъ пустыми мараніями. „Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараніяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ... И если-бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры „Ревизора“, а съ нимъ „Арабески“ и „Вечера“, и всю прочую чепуху, и обо мнѣ, въ теченіе долгаго времени, ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова,—я бы благодарилъ судьбу“, пишетъ онъ Прокоповичу 25 января 1837 года изъ Парижа. [1])

Наконецъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1837 года первыя двѣ главы были настолько обработаны у Гоголя, что онъ рѣшился прочесть ихъ Смирновой и ея кружку. Смирнова жила тогда въ Баденѣ. Тудаже пріѣхалъ и Гоголь. Онъ объявилъ ей, что пишетъ романъ подъ заглавіемъ „Мертвыя Души“ и желаетъ прочитать вечеромъ ей и ея небольшому кружку. Онъ прочелъ двѣ первыя главы въ томъ видѣ, какъ онѣ послѣ явились въ печати. Всѣ очень много смѣялись и были въ восторгѣ. [2]) Но уже лѣтомъ 1837 года Гоголь чувствовалъ себя плохо за границей. Въ Баденѣ онъ часто былъ такъ задумчивъ, что его звали и не могли дозваться. Онъ отказывался отъ всякаго общества и одинъ бродилъ по лугу возлѣ Стефанибада. Болѣзненные припадки усиливались, и съ августа 1838 года начинаютъ раздаваться жалобы на болѣзненное

[1]) Письма Гоголя; новое изданіе, I, 425.
[2]) Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 239—240.

состояніе и плохую работу. „О себѣ ничего не могу сказать слишкомъ утѣшительнаго“, пишетъ онъ Погодину 20-го августа 1838 года. „Увы! здоровье мое плохо, и гордые мои замыслы... О другъ! если бы мнѣ на четыре, пять лѣтъ еще здоровья!... Сижу надъ трудомъ, о которомъ ты уже знаешь: я писалъ тебѣ о немъ, но работа моя вяла, нѣтъ той живости... Болѣзнь моя говоритъ о себѣ каждую минуту и мѣшаетъ мнѣ заниматься. Но я веду свою работу, и она будетъ кончена, но другія, другія“... [1]) Онъ продолжаетъ питать гордые замыслы относительно своей поэмы и говоритъ Погодину, что сочиненіе его велико. [2]) Еще хуже дѣло обстояло въ концѣ 1838 года. „Ничего не сдѣлалъ я!“ пишетъ Гоголь 5 декабря 1838 года тому-же Погодину. „Какъ бѣденъ мой талантъ! Зачѣмъ мнѣ не дано здоровье!“ [3]). Пострансствовавши за границей, проживши довольно долго въ Римѣ, Гоголь пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ, по словамъ Панова, задумалъ трагедію изъ малорусской жизни. [4]) Эта трагедія, вѣроятно, задержала на нѣкоторое время работу надъ его поэмой. По крайней мѣрѣ въ это время мы почти не находимъ въ письмахъ Гоголя указаній на ходъ его работы надъ „Мертвыми Душами“. Онъ, кажется, поглощенъ былъ своей трагедіей. Но и трагедія подвигалась плохо вслѣдствіе наступившихъ болѣзней. „Трудъ мой, который началъ, нейдетъ“, сообщаетъ онъ Шевыреву изъ Вѣны 10-го августа 1839 года. „А чувствую, вещь можетъ быть славная! Или для драматическаго творенія нужно работать въ виду театра, въ омутѣ со всѣхъ сторонъ установившихся на тебя лицъ и глазъ зрителей, какъ я работалъ во время оно? Подожду, посмотримъ. Я надѣюсь много на дорогу“. [5]) Но уже 25 августа 1839 года изъ той-же Вѣны онъ сообщаетъ Шевыреву, что его посѣтило

[1]) Письма Гоголя V, 332; новое изданіе I, 519—520.
[2]) Ibid. 333.
[3]) Ibid., V, 424—425; новое изданіе II, 88—89.
[4]) Ibid., новое изданіе I, 549.
[5]) Письма Гоголя, V, 381; новое изданіе, I, 620.

вдохновеніе, и, если онъ ничего не сдѣлаетъ, то будетъ большой дуракъ. [1]) Но скоро опять наступила реакція. Гоголь чувствовалъ себя плохо. Въ это время приближался выпускъ его сестеръ изъ института, и Гоголь рѣшилъ возвратиться въ Россію, чтобы устроить судьбу ихъ. Сначала онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, въ гостяхъ у Прокоповича, Гоголь прочиталъ первыя четыре главы изъ „Мертвыхъ Душъ“. [2]) Изъ Петербурга, въ самомъ исходѣ 1839 года, онъ пріѣхалъ въ Москву. [3]) Гоголь остановился у Погодина и ожидалъ матери, чтобы, повидавшись съ нею, возвратиться въ Римъ. Устроивши свои домашнія дѣла и добывши денегъ на поѣздку за границу, Гоголь 18 мая 1840 года выѣхалъ въ Римъ. Въ Москвѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, по словамъ Аксакова, Гоголь также читалъ первые четыре главы, затѣмъ въ мартѣ, въ одну изъ субботъ, пятую главу, а 17 апрѣля въ субботу на Свѣтлое Воскресенье, передъ заутреней, шестую, на которой чтеніе и остановилось. [4]) Вѣроятно, слѣдующія главы еще не были обработаны. По дорогѣ въ Римъ, Гоголь остановился въ Вѣнѣ, чтобы попить водъ. Воды сначала помогли ему, но онъ слишкомъ увлекся работой, и снова себя разстроилъ: онъ слегъ и могъ вскорѣ сколько нибудь стать на ноги, благодаря заботамъ и попеченіямъ о немъ Боткина. 17-го октября 1840 года онъ сообщаетъ Погодину, что Маріенбадская вода въ Вѣнѣ было ему помогла. Онъ началъ чувствовать, что въ головѣ его мысли пробуждаются, воображеніе становится чутко. „Сюжетъ, который въ послѣднее время лѣниво держалъ я въ головѣ своей, не осмѣливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мной въ ве-

[1]) Письма, V, 383; новое изданіе I, 622.

[2]) Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, т. I, стр. 173—174.

[3]) Шенрокъ, т. III, 300.

[4]) Сочиненія Гоголя, VII, стр. 580, ср. Русскій Архивъ, 1890 года, VIII, 34; ср. Шенрокъ, т. III, 331, гдѣ говорится, что Гоголь прочиталъ передъ заутреней Свѣтлаго Воскресенія 7 главу; срав. еще новое изданіе писемъ Гоголя, II, стр. 92, примѣчаніе 2.

личіи такомъ, что все во мнѣ почувствовало сладкій трепетъ, и я, позабывши все, переселился вдругъ въ тотъ міръ, въ которомъ давно не былъ, и въ ту же минуту засѣлъ за работу, позабывъ, что это вовсе не годилось во время питія водъ, и именно тутъ-то требовалось спокойствіе головы и мыслей". [1]) Ему дѣлалось все хуже и хуже, онъ боялся даже умереть на чужбинѣ. Тогда онъ рѣшился прибѣгнуть къ своему единственно цѣлебному средству—къ дорогѣ. [2]) Онъ отправился въ Италію, въ Римъ. Въ Римѣ первое время Гоголь чувствовалъ себя хорошо, но потомъ опять наступили болѣзненные припадки. И вотъ онъ со страхомъ глядитъ на себя; онъ думалъ, что въ этомъ году у него будетъ готова вещь, которая за однимъ разомъ его выкупитъ, сниметъ тяжесть, которая лежитъ на его ,,безсовѣстной совѣсти". [3]) Состояніе Гоголя было ужасно. ,,И такъ хорошо было началось дѣло! Я началъ такую вещь, какой, вѣрно, у меня до сихъ поръ не было—и теперь изъ подъ самыхъ облаковъ да въ грязь", жалуется онъ Плетневу въ письмѣ изъ Рима отъ 30-го октября 1840 года. У него является даже мысль о самоубійствѣ. ,,Если-бы я зналъ, что изъ меня рѣшительно ничего не можетъ быть (страшнѣе чего, конечно, ничего не можетъ быть на свѣтѣ), тогда бы натурально дѣло кончено. У меня нѣтъ никакой охоты увеличивать всемірное населеніе своею жалкою фигурою, и за жизнь свою я не далъ-бы гроша и не сталъ бы изъ-за нея биться". [4]) Но опасность миновала, Гоголь поправился и 28-го де-

[1]) Письма Гоголя V, 417; новое изданіе писемъ, II, 80.

[2]) О значеніи дороги для здоровья и творчества Гоголя см. во многихъ его письмахъ и также въ 1 т. „Мертвыхъ Душъ": „Боже! какъ ты хороша подъ часъ далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала. А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!" Сочиненія III, 222; ср. новое изданіе писемъ, III, 95, 98 и др.

[3]) Письма Гоголя, V, 419; новое изданіе писемъ, II, 82.

[4]) Ibid., V, 423; II, 86—87.

кабря 1840 года онъ уже извѣщалъ С. Т. Аксакова, что онъ здоровъ и главное приготовляетъ „къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ Душъ“. „Перемѣняю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что печатаніе ихъ не можетъ обойтись безъ моего присутствія“. Подъ перечисткой и обработкой „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь разумѣлъ здѣсь черновую работу, предшествовавшую первой полной редакціи, [1]) которая и была, вѣроятно, вскорѣ-же вполнѣ закончена и переписана, т. е. въ самомъ началѣ 1841 года. [2]) „Между тѣмъ“, пишетъ онъ въ томъ-же письмѣ, „дальнѣйшее продолженіе его (1-го тома) выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что, можетъ быть, со временемъ, выйдетъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно, немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ, котораго первыя, невинныя и скромныя главы вы уже знаете“. [3]) По поводу этого письма С. Т. Аксаковъ замѣчаетъ, что „оно написано совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ всѣ предыдущія. Этотъ тонъ сохранился уже навсегда. Должно повѣрить, что много чудеснаго совершилось съ Гоголемъ, потому что онъ съ этихъ поръ измѣнился въ нравственномъ существѣ своемъ. Это не значитъ, что онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ прежде; внутренняя основа всегда лежала въ немъ, даже въ самыхъ молодыхъ годахъ, но она скрывалась, такъ сказать, наружностью внѣшняго человѣка. Отсюда начинается постоянное стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человѣка и преобладаніе религіознаго направленія, достигшаго впослѣдствіи, по моему мнѣнію, такого высокаго настроенія, которое уже не совмѣстимо съ тѣлесною оболочкою человѣка“. [4])

---

[1]) См. ее въ сочиненіяхъ Гоголя, VII, 3—152.

[2]) Сочиненія Гоголя, VII, 581, ср. III, 522.

[3]) Письма Гоголя, V, 426; новое изданіе писемъ, II, 91—92.

[4]) Русскій Архивъ, 1890, 8, 45—46.

Съ этого времени можно, кажется, начинать поворотный пунктъ въ работѣ надъ „Мертвыми Душами“. Гоголь, очевидно, думаетъ уже о дальнѣйшемъ продолженіи своей поэмы, т. е. о 2-мъ и, можетъ быть, 3-мъ томѣ, и притомъ въ новомъ направленіи. По крайней мѣрѣ, въ тотъ-же день (т. е. 28 декабря 1840 года) онъ пишетъ Погодину: „Утѣшься! Чудно милостивъ и великъ Богъ: я здоровъ, чувствую даже свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолженіемъ „Мертвыхъ Душъ“ (т. е., можетъ быть, 2-мъ томомъ). Вижу, что предметъ становится глубже и глубже. Даже собираюсь въ наступающемъ году печатать 1 томъ, если только дивной силѣ Бога, воскресившаго меня, будетъ такъ угодно“. [1]) Въ это время ему такъ хорошо работалось, что онъ надѣялся приготовить къ лѣту еще что-нибудь, кромѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“. [2])

Хотя болѣзненный умственный и нравственный процессъ начинаетъ сильно развиваться въ Гоголѣ, какъ видно изъ его писемъ къ друзьямъ, но онъ еще мало тормозитъ работу. Такъ Данилевскому отъ $^{26}/_{14}$ февраля 1841 года Гоголь пишетъ: „Жизнь моя давно уже происходитъ вся внутри меня, а внутреннюю жизнь не легко передавать. Тутъ нужны томы. Да притомъ результатъ ея явится потомъ весь въ печатномъ видѣ“. [3]) Аксакову (отъ 5-го марта 1841 года) онъ сообщаетъ, что ему тягостно и на мигъ оторваться отъ труда, наполняющаго нынѣ всю его душу, [4]) и все больше и больше приходитъ въ мистическій восторгъ отъ своей поэмы: „несмотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои.

[1]) Письма Гоголя, V, 428; новое изданіе писемъ, II, 94, ср. Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, I, 218.

[2]) Ibid., новое изданіе писемъ, II, 94.

[3]) Письма Гоголя, V, 434.

[4]) Ibid., V, 435; новое изданіе II, 96.

Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета“. [1]) Гоголь начинаетъ вѣрить въ силу своего слова и говоритъ Данилевскому въ письмѣ отъ 7 августа 1841 года: „Но слушай: теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово, и горе кому-бы ни было, неслушающему моего слова... Властью высшею облечено отнынѣ мое слово“. [2]) Такъ постепенно Гоголь пришелъ къ мысли, что имъ руководитъ какая-то высшая сила, что онъ можетъ учить другихъ. Это настроеніе сказалось и во второй полной редакціи 1-го тома „Мертвыхъ Душъ“. „Русь! чего ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?“ [3]) Этого мѣста нѣтъ въ первоначальной редакціи 1-го тома, [4]) но во второй полной редакціи оно уже находится. [5]) И дѣйствительно, въ это время у Гоголя уже была готова вторая полная редакція 1-го тома его поэмы, [6]) отличающаяся между прочимъ отъ предыдущей внесеніемъ въ нее размышленій по поводу дѣйствующихъ лицъ и лирическими отступленіями, совершенно въ духѣ тѣхъ резонирующихъ наставленій, которыя начинаютъ въ это время встрѣчаться и въ его письмахъ къ друзьямъ. Такъ, только въ этой редакціи мы находимъ извѣстное лирическое отступленіе по поводу Плюшкина. – „И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ?“ [7]) моралистическое разсужденіе относительно Коробочки, [8]) которыхъ

[1]) Письма V, 436; новое изданіе II, 98.
[2]) Ibid., V, 447; новое изданіе II, 110—111.
[3]) Сочиненія Гоголя III, 221.
[4]) Ibid., VII, стр. 138.
[5]) Ibid., 349.
[6]) См. ее въ сочиненіяхъ Гоголя, VII, 152—372.
[7]) Ibid., VII, 268—269.
[8]) Ibid., 200.

нѣтъ въ первоначальной редакціи, [1]) и др. Эта вторая полная редакція выработалась изъ тѣхъ поправокъ и дополненій, какія были сдѣланы въ первой бѣловой рукописи, и въ одинъ изъ первыхъ мѣсяцевъ 1841 года Пановъ началъ уже переписывать въ другія тетради первыя пять главъ поэмы. Лѣтомъ 1841 года Анненковъ приступилъ къ продолженію дѣла и сталъ писать „Мертвыя Души“, начиная съ шестой главы, въ тѣ-же тетради подъ диктовку автора. [2]) Въ августѣ того-же года переписка романа была совсѣмъ приведена къ окончанію. [3]) Въ это время, говоритъ Анненковъ, Гоголь „стоялъ уже на рубежѣ новаго направленія, принадлежа двумъ различнымъ мірамъ. По тайнымъ стремленіямъ своей мысли, онъ уже относился къ строгому, исключительному міру, открывавшемуся впереди; по вкусамъ, нѣкоторымъ частнымъ воззрѣніямъ и привычкамъ художнической независимости—къ прежнему направленію. Послѣднее еще преобладало въ немъ, но онъ уже доживалъ сочтенные дни своей молодости, ея стремленій, борьбы, паденій и ея славы!“ [4]) И дѣйствительно, во второй полной редакціи мы встрѣчаемъ уже такія лирическія отступленія, которыя заключаютъ въ зародышѣ славянофильскія идеи, [5]) сбившія отчасти Гоголя съ истиннаго пути и не давшія

[1]) Сочиненія Гоголя, VII, 74—75 и 33.

[2]) Ibid., III, 522—523.

[3]) Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, т. I, 218.

[4]) Ibid., I, 196.

[5]) С. Т. Аксаковъ говоритъ, что „безъ сомнѣнія пребываніе въ Москвѣ, въ ея русской атмосферѣ, дружба съ нами (семействомъ Аксаковыхъ) и особенно вліяніе Константина (Сергѣевича), который постоянно объяснялъ Гоголю, со всею пылкостью своихъ глубокихъ, святыхъ убѣжденій, все значеніе, весь смыслъ Русскаго народа, были единственныя причины того, что Гоголь обратилъ большое вниманіе на національныя основы Русскаго народа, что и сказалось въ Московской редакціи 1-го тома „Мертвыхъ Душъ“ (сказалось это, какъ мы видимъ, и во второй полной редакціи, оконченной за границей послѣ почти годичнаго пребыванія Гоголя въ Москвѣ, когда у него съ Аксаковыми завязалась самая „тѣсная дружба“). „Я самъ замѣчалъ много разъ“, продолжаетъ Аксаковъ, „какое впечатлѣніе производилъ онъ (Константинъ) на Гоголя, хотя послѣдній старательно

ему возможности окончить его великое произведеніе. Такъ уже въ этой редакціи мы находимъ то лирическое отступленіе, въ которомъ Гоголь говоритъ объ особенной мѣткости слова русскаго человѣка и дѣлаетъ въ этомъ отношеніи сравнительную характеристику всѣхъ націй: „Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово британца, легкимъ щеголемъ блеснетъ и разле-

скрывалъ свое внутреннее движеніе“... „Есть доказательство этого русскаго движенія, образовавшагося въ Москвѣ именно въ 1840 году: въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ многія мѣста въ этомъ духѣ, очевидно, вставлены и даже не совсѣмъ гармонируютъ съ прежними рѣчами“ (Русскій Архивъ, 1890 г., 8, 46—47). Ср. Владиміровъ, Очеркъ развитія творчества Гоголя, 34—35. Даже религіозное настроеніе Гоголя, хотя оно ему было свойственно съ дѣтскихъ лѣтъ, усилилось у него со временемъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ славянофильскаго ученія. Славянофилы, какъ извѣстно, полагали, что только Русскій народъ принялъ и сохранилъ у себя истинное христіанство, тогда какъ западно-европейскіе народы его извратили (Пыпинъ, Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20—50 годовъ, стр. 258). Точно также и Гоголь въ своемъ письмѣ къ графинѣ Віельгорской говоритъ, что „высокое достоинство русской породы состоитъ въ томъ, что она способна глубже, чѣмъ другія, принять въ себя высокое слово евангельское, возводящее къ совершенству человѣка“. Сѣмена Небеснаго Сѣятеля съ равною щедростью были разбросаны повсюду, но принесли плодъ тогда, когда попали на добрую почву. „Эта добрая почва—русская воспріимчивая природа: хорошо взлелѣянныя въ сердцѣ сѣмена Христовы дали все лучшее, что ни есть въ русскомъ характерѣ. Итакъ, для того, чтобы сдѣлаться русскимъ, нужно обратиться къ источнику, прибѣгнуть къ средству, безъ котораго русскій не станетъ русскимъ въ значеніи высшемъ этого слова. Можетъ быть, одному русскому суждено почувствовать ближе значеніе жизни“ (Новое изданіе писемъ, IV, 239, письмо 30 марта 1849 года). Гоголь былъ увлеченъ православіемъ именно въ древне-русскомъ духѣ, какъ его понимали и нѣкоторые славянофилы. Такъ въ томъ-же письмѣ онъ находитъ, что въ „Домостроѣ“ „поражаютъ глубокая опытность жизни и полнота обниманія всѣхъ обязанностей, какъ сохранить домоправителю образъ благости Божіей въ обращеніи со всѣми“ (ibid, 240). Самъ Гоголь слѣдующимъ образомъ говоритъ о томъ значеніи, какое имѣло для него пребываніе въ Москвѣ въ 1839 году. „Въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ, котораго значенія я даже не понималъ вначалѣ“, пишетъ онъ С. Т. Аксакову отъ 28 декабря 1840 г., „заключалось много, много для меня. Да, чувство любви къ Россіи, слышу во мнѣ, сильно“, Новое изданіе писемъ, II, 92.

тится недолговѣчное слово француза, затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно худощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ смѣтливо бы вырвалось и вмѣстѣ такъ бы кипѣло и живо трепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово", [1])—хотя мы должны сказать, что зародыши этихъ взглядовъ уже находятся и въ первой заграничной редакціи. [2]) Затѣмъ во второй редакціи Гоголь, согласно нѣкоторымъ таинственнымъ выраженіямъ своихъ писемъ этого времени, уже придаетъ какое-то особенное значеніе своему произведенію, хотя и продолжаетъ попрежнему защищать свое сатирическое направленіе. „Почему знать", говоритъ онъ, „можетъ быть, сіи-же низкія страницы предстанутъ потомъ въ незамѣченномъ нынѣ свѣтѣ, и, можетъ быть, будущій поэтъ (о, какая чудная награда!) смятенный остановится передъ ними; грозная вьюга вдохновенья обовьетъ главу его, и неслышанныя пѣсни освѣжатъ міръ"... [3]) Но въ этой редакціи нѣтъ еще и помину объ изображеніи идеальныхъ лицъ [4]), хотя авторъ и говоритъ, что ему предстоятъ еще „двѣ части впереди". [5])

Въ началѣ сентября 1841 года Гоголь оставилъ Римъ и отправился въ Россію печатать свою поэму. Пріѣхалъ Гоголь въ Москву въ половинѣ октября. Первыя 6 главъ были уже извѣстны, какъ мы знаемъ, его Московскимъ друзьямъ. Послѣднія же главы, написанныя болѣе торопливо и не такъ отдѣланныя, должны были подвергнуться переработкѣ. Отдавъ первыя главы для переписки набѣло, Гоголь принялся отдѣлывать послѣднія четыре. Дѣлалъ онъ дополненія и поправки и въ первыхъ 6 главахъ. Изъ дополненій, сдѣланныхъ Гоголемъ во второй части перваго тома, особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ эпизодъ, гдѣ разсказана

[1]) Сочиненія Гоголя VII, 250; ср. ibid., 58—59.
[2]) Ibid., 137—138.
[3]) Ibid., 274.
[4]) Ibid., 352.
[5]) Ibid., 370.

исторія дѣтства и первыхъ служебныхъ подвиговъ Чичикова, [1]) и то мѣсто, гдѣ выступаетъ Кифа Мокіевичъ и Мокій Кифовичъ. [2]) Передѣлана была также совершенно и повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ; [3]) въ Москвѣ она была значительно сокращена, съ тѣмъ чтобы смягчить впечатлѣніе разсказа: была отброшена вся вторая часть изъ опасенія цензуры. Но и въ такомъ видѣ повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ была запрещена цензоромъ. Тогда Гоголь снова началъ передѣлывать этотъ эпизодъ, смягчая по возможности всѣ мѣста, которыя могли показаться рѣзкими, и онъ былъ разрѣшенъ. Запрещенная цензоромъ редакція повѣсти существенно отличается отъ той, которая появилась въ печатномъ изданіи „Мертвыхъ Душъ“. Новая редакція для цензуры была выработана въ теченіе 3—4 дней. [4]) Извѣщая Прокоповича о передѣлкѣ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ, Гоголь говоритъ: „Выбросили у меня цѣлый эпизодъ—„Копѣйкина“, для меня очень нужный, болѣе даже, нежели думаютъ они. Я рѣшился не отдавать его никакъ. Передѣлалъ его уже такъ, что никакая цензура не можетъ придраться. Генераловъ и все выбросилъ“... [5]), и въ письмѣ къ Плетневу: „я выбросилъ весь генералитетъ. Характеръ Копѣйкина означилъ сильнѣе, такъ что теперь видно ясно, что онъ всему причиною самъ, и что съ нимъ поступили хорошо“. [6]) Въ Москвѣ составлена также новая редакція разсказа о томъ, какъ Чичиковъ совершалъ купчія крѣпости на мертвыя души, и введено новое дѣйствующее лицо —Иванъ Антоновичъ Кувшинное Рыло. [7])

Обработавши послѣднія пять главъ, Гоголь прочелъ ихъ С. Т. и К. С. Аксаковымъ и Погодину, „какъ тремъ различнымъ характе-

[1]) Сочиненія Гоголя, III, 417. Въ предыдущихъ редакціяхъ она была разсказана слишкомъ кратко.

[2]) Ibid., 432.

[3]) Ibid., 434.

[4]) Ibid., 523, 531, 532.

[5]) Новое изданіе писемъ, II, 164.

[6]) Ibid., 165.

[7]) Сочиненія Гоголя, III, 434, 436.

рамъ, разнородно примущимъ первыя впечатлѣнія". [1]) Хотя слушатели не сдѣлали почти никакихъ замѣчаній, но Гоголь снова принялся отдѣлывать нѣкоторыя частности своего произведенія. „То, что я увидѣлъ въ замѣчаніи слушателей, въ самомъ молчаніи и въ легкомъ движеніи недоумѣнія, ненарокомъ и мелькомъ проскальзывающаго по лицамъ, то принесло мнѣ уже на другой день пользу, хотя бы оно принесло мнѣ несравненно большую пользу, если бы застѣнчивость не помѣшала каждому разсказать вполнѣ характеръ своего впечатлѣнія", [2]) говоритъ онъ въ письмѣ. Впрочемъ, первыя шесть главъ поэмы были оставлены безъ всякихъ редакціонныхъ измѣненій, но зато онѣ запестрѣли мелкими стилистическими поправками. Послѣднія же пять главъ подверглись по мѣстамъ усиленной переработкѣ въ нѣсколько пріемовъ. Нѣкоторыя страницы послѣдней части рукописи, которыми не былъ доволенъ взыскательный глазъ автора, были передѣланы, другія дополнены. [3])

Нѣкоторыя изъ этихъ передѣлокъ и дополненій представляютъ большой интересъ, такъ какъ онѣ выдаютъ тогдашнее настроеніе автора. Прежде всего Гоголь очень много работалъ надъ отдѣлкой того мѣста второй редакціи своего произведенія, гдѣ онъ придаетъ какое-то таинственное значеніе своей поэмѣ и, защищая свое сатирическое направленіе, ожидаетъ иныхъ пѣсенъ отъ другого поэта. Въ новой редакціи, послѣ долгихъ колебаній и попытокъ найти подходящія выраженія, Гоголь уже не отъ будущаго поэта ожидаетъ пѣсенъ, которыя освѣжатъ міръ,—онъ надѣется, что эти пѣсни потекутъ нѣкогда изъ его собственныхъ устъ: „И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вздохновенья подымется

[1]) Письма Гоголя, V, 486; новое изданіе II, 204.
[2]) Ibid., V, 486—487; II, 204.
[3]) Подробности см. сочиненія Гоголя III, 438 и далѣе.

изъ облеченной въ священный ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей“... [1])

Точно также трудно давалось автору и то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о продолженіи своего произведенія въ новомъ духѣ и о своемъ желаніи изобразить идеальныя лица. Наконецъ послѣ долгихъ передѣлокъ это мѣсто приняло слѣдующую форму: „Но... можетъ быть, въ сей-же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ...“ [2]) Наконецъ, не менѣе труда потратилъ авторъ и на окончательную обработку того лирическаго отступленія во второй редакціи, гдѣ онъ говоритъ о страстяхъ, къ которымъ „влечется человѣкъ“. Во второй полной редакціи это мѣсто читается слѣдующимъ образомъ: „безумно, слѣпо мы всѣ влечемся къ какой-нибудь одной страсти и слѣпо жертвуемъ для нея всѣмъ; но есть что-то упоительное, восторженное, вѣчно зовущее въ самомъ влеченіи“. И далѣе авторъ говоритъ, что и у него есть страсть „заключать въ ясные образы приходящія къ нему мечты и явленія“. [3]) Но въ передѣлкахъ этого мѣста, которыя были сдѣланы авторомъ въ Москвѣ (въ 1841 г.), мы уже находимъ мистическое толкованіе страстей, которыя овладѣваютъ человѣкомъ. „Для высшихъ начертаній, ему непостижимыхъ, обречены онѣ (страсти), и есть въ нихъ что-то вѣчное, зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще

[1]) Сочиненія Гоголя III, 132.
[2]) Ibid., 223, 224, ср. VII, 731.
[3]) Ibid., VII, 366.

суждено совершить имъ,—все равно, въ образѣ ли злодѣйства, или явленія, возрадующаго міръ". [1]) Но и эта редакція не удовлетворила Гоголя, и для печати это мѣсто было передѣлано въ слѣдующемъ видѣ: „Но есть страсти, которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденія его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаніями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ, все равно, въ мрачномъ ли образѣ, или пронесшись свѣтлымъ явленіемъ, возрадующимъ міръ,— одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И, можетъ быть, въ семъ-же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ". [2]) Эти строки ясно указываютъ на тѣ мысли, какія начали занимать Гоголя во время его пребыванія въ Москвѣ въ 1841 г. Это было то время, когда предметомъ изученій Гоголя сдѣлался человѣкъ вообще и его душа. [3]) Плетневъ, который вообще довольно близко стоялъ къ Гоголю и хоть отчасти былъ посвященъ въ его авторскіе планы, уже въ 1842 году заявилъ, что „на первый томъ нельзя иначе смотрѣть, какъ только на вступленіе къ великой идеѣ о жизни человѣка, влекомаго страстями жалкими". [4]) И отнынѣ идея, которая будетъ занимать автора, и которую онъ желаетъ страстно воплотить въ свое произведеніе, заключается въ томъ, что иногда Промыселъ ниспосылаетъ человѣку разныя страсти, чтобы человѣкъ, изстрадавшись и очистившись отъ нихъ, выходилъ на дорогу труда обновлен-

[1]) Разнообразные варіанты этого мѣста см. VII, стр. 746; ср. ibid., 575, III 455.

[2]) Сочиненія Гоголя III, 244.

[3]) Ibid., IV, 252—253.

[4]) Сочиненія и переписка Плетнева, 1885 г., I, 478.

нымъ, просвѣтленнымъ. Эта идея просвѣтлѣнія самаго низкаго человѣка, вмѣстѣ съ изображеніемъ идеальныхъ лицъ, въ которыхъ бы заключались лучшія человѣческія качества, которыя, по мнѣнію славянофиловъ, обрѣтаются только лишь у русскаго народа, [1]) и сдѣлалась отнынѣ мечтой автора, которую онъ хотѣлъ осуществить въ дальнѣйшихъ частяхъ своей поэмы.

Наконецъ, послѣ многихъ передѣлокъ рукопись поступила въ Московскій цензурный комитетъ. Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ злоключеніяхъ, какія она претерпѣла, странствуя по разнымъ мѣстамъ. [2]) Скажемъ только, что состояніе автора во время этихъ передрягъ было ужасное. Онъ даже рѣшаетъ отложить печатаніе I-го тома и видитъ въ немъ недостатки. „Отложимъ до времени появленіе въ свѣтъ труда моего“, пишетъ онъ Плетневу 6 февраля 1842 года, „и теперь уже я начинаю видѣть многіе недостатки, а когда сравню сію первую часть съ тѣми, которыя имѣютъ быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнѣе, третье углубить“. [3]) Уже въ это время у него является недовольство своимъ произведеніемъ, и не только вслѣдствіе цензурныхъ затрудненій, такъ какъ въ письмахъ этого времени уже ясно начинаютъ выступать идеи мистицизма и аскетизма. 10-го февраля 1842 года онъ уже

[1]) „Философія славянофиловъ стремится къ тому, чтобы открыть истинно-народныя начала русской жизни, развить ихъ и дать имъ мѣсто въ нашемъ образованіи и практическомъ быту“ (Пыпинъ, Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20—50 г., стр. 254). Эти начала въ то же время самыя совершенныя, „начала же западно-европейской образованности ложны, потому что отвергли общее сознаніе вселенской церкви“ (ibid., 259).

[2]) Интересующіеся могутъ объ этомъ прочесть въ сочиненіяхъ Гоголя, III, 458—476, и у Шенрока, III, 364—387. Любопытно, между прочимъ, что цензура называла поэму Гоголя произведеніемъ безбожнымъ, такъ какъ авторъ говоритъ о „мертвыхъ душахъ“; „а душа бываетъ безсмертна, мертвой души не можетъ быть, авторъ вооружается противъ безсмертія“; считали его произведеніе и опаснымъ для государства, такъ какъ авторъ идетъ противъ крѣпостного права, и т. д.

[3]) Письма Гоголя, V, 458; новое изданіе II, 142.

пишетъ Языкову, что „нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха“. [1]) Это настроеніе Гоголя вполнѣ соотвѣтствуетъ тому аскетическому его воззрѣнію на художественное творчество, какое у него около этого времени выработалось и какое отразилось во второй редакціи его повѣсти „Портретъ“. [2]) Гоголь до конца своей жизни былъ убѣжденъ, что „законъ Христовъ... можно исполнять и въ званіи писателя“, [3]) но для того, чтобы исполнить этотъ законъ въ званіи писателя, какъ слѣдуетъ, ему нужно отказаться отъ всего низменнаго, житейскаго и усовершенствовать себя въ монашескихъ подвигахъ. Такъ и поступаетъ тотъ художникъ въ повѣсти Гоголя, который нарисовалъ портретъ ростовщика. Этотъ портреръ принесъ много несчастій, какъ самому художнику, такъ и всѣмъ вообще людямъ, которые только приходили въ какое-нибудь соприкосновеніе съ этимъ таинственнымъ портретомъ. Тѣ мятежныя чувства, которыя возбуждалъ этотъ портретъ во всѣхъ людяхъ, имѣвшихъ его у себя, художникъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что при созданіи его онъ былъ „безумно вѣренъ природѣ“. А между тѣмъ въ процессѣ художественнаго творчества нужно „во всемъ находить внутреннюю мысль и пуще всего стараться постигнуть высокую тайну созданья“. Тогда и „въ презрѣнномъ у художника уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души“. И тогда художникъ „можетъ дать чудные звуки успокоенья, ибо для успокоенья и примиренья всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданье искусства“.[4]) Съ этого времени религіозно-аскетическое настроеніе Гоголя, свой-

[1]) Письма Гоголя, V, 459; новое изданіе, II, 144.

[2]) Новая редакція „Портрета“ вчернѣ была окончена въ началѣ 1841 года; потомъ она подверглась, по обычному пріему Гоголя, значительнымъ передѣлкамъ, когда онъ уже находился въ Москвѣ; объ этомъ см. сочиненія Гоголя, II, 597 и далѣе. Послана она была для напечатанія Плетневу 17 марта 1842 года, см. Письма, V, 464.

[3]) Письма Гоголя, VI, 425.

[4]) Сочиненія Гоголя, II, 82—83.

ственное ему и въ молодости, [1]) но усилившееся съ годами, не покидало его до конца его жизни. Онъ предпринимаетъ разные духовные подвиги, между прочимъ, путешествіе въ Іерусалимъ, чтобы сдѣлаться лучше и написать такую картину жизни человѣческой, которая была бы „плодомъ налетѣвшей съ небесъ на художника мысли“. [2]) Съ этихъ поръ помыслы автора направлены на душевное дѣло, на усовершенствованіе своего нравственнаго міра, и даже въ концѣ 1847 года, въ письмѣ къ Жуковскому, Гоголь высказываетъ тѣ-же взгляды на искусство, какіе мы находимъ въ его повѣсти „Портретъ“: „искусство есть примиреніе съ жизнью, истинное созданіе искусства имѣетъ въ себѣ что-то успокаивающее и примирительное, искусство есть водвореніе въ душу стройности и порядка, а не смущенья и разстройства“. [3])

Наконецъ 5-го апрѣля 1842 года рукопись поэмы была получена Гоголемъ. Обрадованный авторъ, передѣлавши зачеркнутую цензоромъ повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ и получивши разрѣшеніе печатать и ее въ смягченномъ видѣ, тотчасъ-же приступилъ къ печатанію и самъ нарисовалъ оригиналъ для обертки. [4]) На оберткѣ, подъ несущимся быстро тарантасомъ, изображены съ лѣвой стороны часть деревни, съ правой—верстовой столбъ; между ними съ той и другой стороны бутылки съ рюмками и бокалами, закуски въ видѣ рыбъ на блюдѣ, солонка. Бутылка сверху какъ бы вѣнчаетъ этотъ рядъ изображеній, которому внизу соотвѣтствуютъ также бутылки съ бокалами и блюдо съ большимъ осетромъ и мелкими рыбками, можетъ быть, то блюдо, которое украшало трапезу полицеймейстера, и къ которому пристроился Собакевичъ. Изображеній живыхъ людей немного—только два: на правомъ полѣ читатель видитъ пьянаго мужичка, пляшущаго подбоченившись съ чаркою въ рукѣ, и танцующую, очевидно, на

[1]) См., напр., письмо Гоголя по поводу смерти его отца, V, 19; ср. Шенрокъ, I, стр. 33.

[2]) Сочиненія Гоголя, II, 61.

[3]) Письма Гоголя; новое изданіе, IV, 140.

[4]) Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 299.

балу пару. Зато эмблемы смерти въ обиліи разсыпаны по всей картинѣ въ верхней ея половинѣ; смерть, кажется, вездѣсуща на картинѣ: черепа выглядываютъ изъ затѣйливыхъ завитковъ, окаймляющихъ верхнюю половину рисунка, на одной вертикальной линіи помѣщены принадлежности закуски (бутылки вина и рыбы) и черепъ. Два скелета расположены симметрически, справа и слѣва, въ полулежачемъ положеніи; третій, на черномъ фонѣ, изображенъ сидящимъ и простирающимъ впередъ руки, какъ-бы призывая кого-то въ свои объятья. [1]) Лучшимъ объясненіемъ идеи, выраженной на рисункѣ, можно считать слѣдующія строки, въ которыхъ Гоголь намѣтилъ впослѣдствіи планъ и идею первой части „Мертвыхъ Душъ“: „Какъ пустота и безсильная праздность жизни смѣняется мутною, ничего не говорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются. Смерть поражаетъ нетрогающійся міръ. Еще сильнѣе между тѣмъ должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни. При бальномъ (освѣщеніи), при фракахъ, при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ никто не признаетъ смерти“. [2]) Въ рисункѣ брошенъ намекъ на ту идею, которая стала въ Москвѣ занимать автора „Мертвыхъ Душъ“, и которую онъ началъ прозрѣвать въ печатавшейся поэмѣ. Болѣзни духа и тѣла, мучившія Гоголя въ Москвѣ, устремили помыслы его къ иному міру, и идеалъ аскетизма предсталъ ему съ неотразимою силою. [3]) Наконецъ 22 мая 1842 года „Мертвыя Души“ вышли изъ печати. Гоголь чувствовалъ себя спокойно и хорошо и 23-го мая выѣхалъ въ Петербургъ. 5-го іюня онъ отправился снова за границу. Новое направленіе, которое, какъ мы указывали выше, постепенно овладѣвало Гоголемъ, только слегка отразилось на I томѣ „Мертвыхъ Душъ“ кое-какими вставками, которыя мы уже привели выше. Но вскорѣ оно сдѣлалось чревато многими бѣд-

[1]) Сочиненія Гоголя, III, 477—478.
[2]) Ibid., 255.
[3]) Ibid., 478.

ствіями для нашего автора. Уже вскорѣ по выходѣ I-го тома „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь не совсѣмъ доволенъ имъ. 26 іюня 1842 года, посылая I-ю часть „Мертвыхъ Душъ“ Жуковскому, Гоголь пишетъ: „Я передѣлалъ ее много съ того времени, какъ читалъ вамъ первыя главы, но все однакоже не могу не видѣть ея малозначительности въ сравненіи съ другими, имѣющими послѣдовать ей частями“. [1])

Но рѣшительный приговоръ надъ I томомъ еще не произнесенъ. Даже въ 1843 году Гоголь, признавая всѣ несовершенства первой части, говоритъ, что она свое дѣло сдѣлала, разнесла нѣкоторую ему нужную тоску и поселила отвращеніе отъ его героевъ. [2]) Но постепенно, съ усиленіемъ его новыхъ идей и выясненіемъ того, что должно было явиться во II-мъ и III-мъ томѣ, это недовольство росло и перешло даже въ прямое отвращеніе къ I-му тому.

III.

Мысль написать „Мертвыя Души“ въ трехъ частяхъ явилась у Гоголя еще за границей, въ концѣ работы надъ I томомъ. По крайней мѣрѣ, уже во второй полной заграничной редакціи Гоголь говоритъ, что ему предстоятъ еще „двѣ части впереди“. [3]) II томъ „Мертвыхъ Душъ“ былъ начатъ еще до полнаго окончанія I-го тома. На это мы имѣемъ слѣдующія до-

[1]) Письма Гоголя, V, 480; ср. въ письмѣ Данилевскому отъ 9 мая 1842 года: „Черезъ недѣлю послѣ сего письма ты получишь отпечатанныя „Мертвыя Души“, предверіе немного блѣдное той великой поэмы, которая строится во мнѣ и разрѣшитъ, наконецъ, загадку моего существованія“ (Новое изданіе писемъ, II, 168), и въ письмѣ къ Иннокентію: „посылаю вамъ трудъ мой! Взгляните на него дружелюбно. Это блѣдное начало того труда, который свѣтлой милостью небесъ будетъ много не безполезенъ“ (ibid., II, 174).

[2]) Переписка съ друзьями, Сочиненія, IV, 89.

[3]) Сочиненія Гоголя, VII, 370; ср. Авторскую исповѣдь, IV, 274; въ окончательной редакціи прибавлено: двѣ *„большія“* части, Сочиненія, III, 248.

казательства. 28-го декабря 1840 года Гоголь пишетъ Погодину: „Чувствую свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолженіемъ „Мертвыхъ Душъ“. Вижу, что предметъ становится глубже и глубже. Даже собираюсь въ настоящемъ году печатать первый томъ, если только дивной силѣ Бога, воскресившаго меня, будетъ такъ угодно“. [1]) Такъ какъ первый томъ вчернѣ былъ уже готовъ, то подъ продолженіемъ „Мертвыхъ Душъ“ надо разумѣть работу надъ вторымъ томомъ. [2]) И дѣйствительно, сообщая впослѣдствіи (въ 1846 году) о сожженіи второго тома, Гоголь говоритъ, что „не легко было сжечь пятилѣтній трудъ“, и далѣе: „вѣрю, что, если придетъ урочное время, въ нѣсколько недѣль совершится то, надъ чѣмъ провелъ пять болѣзненныхъ лѣтъ“. [3]) Затѣмъ въ записной книжкѣ Гоголя 1841—1842 г. слова: „развить статью о воспитаніи во второй части“, [4])—несомнѣнно, относятся къ началу второго тома „Мертвыхъ Душъ“ и имѣютъ въ виду именно воспитаніе Тентетникова, самое имя котораго находимъ также въ одной изъ записныхъ книгъ. [5]) Наконецъ, въ Московской редакціи знаменитой характеристики двухъ поэтовъ Гоголь надѣется, что новыя пѣсни потекутъ уже не изъ другихъ устъ, а изъ его собственныхъ. Между тѣмъ въ началѣ второго тома мы находимъ оправданіе того сатирическаго изображенія жизни, которому былъ вѣренъ Гоголь въ I-мъ томѣ, [6]) и которое онъ отстаивалъ въ началѣ

[1]) Письма Гоголя, V, 428.

[2]) Ср. Сочиненія, VII, 585.

[3]) Сочиненія Гоголя IV, 92, 94; ср. Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, I, 202.

[4]) См. Сочиненія Гоголя, VI, 457.

[5]) См. ibid., 538.

[6]) „Зачѣмъ-же выставлять на показъ бѣдность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что-жъ дѣлать, если такого свойства сочинитель и такъ уже заболѣлъ онъ самъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже устроенъ талантъ его, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства!“ Сочиненія Гоголя, III, 280.

VII главы заграничной редакціи. Итакъ, можно думать, что II томъ былъ начатъ еще за границей, до полнаго окончанія I-го тома, и въ томъ-же направленіи, что и I томъ, и только впослѣдствіи въ немъ начали раздаваться новыя рѣчи. Сохранились даже слѣды позднѣйшихъ вставокъ во II-мъ томѣ въ томъ же духѣ, въ какомъ были сдѣланы нѣкоторыя вставки въ концѣ перваго тома, о которыхъ Тихонравовъ говоритъ, что, „читая ихъ, чувствуешь, какъ мысль автора уже занята работой надъ нѣкоторыми подробностями второго тома“. [1]) Къ числу такихъ вставокъ относится и мѣсто о воспитаніи Тентетникова.

Начатый въ 1840 г. второй томъ сначала довольно быстро подвигался. 5-го марта 1841 года Гоголю казалось достаточнымъ трехъ лѣтъ „съ свѣжими минутами“ для полнаго окончанія „Мертвыхъ Душъ“, которыя должны были состоять изъ трехъ томовъ. [2]) Анненковъ даже говоритъ, что вторая часть въ первоначальномъ очеркѣ была готова у Гоголя около 1842 г.; „есть слухи, будто она даже переписывалась въ Москвѣ въ самое время печатанія первой части романа.“ [3]) Имѣлъ-же какое-нибудь основаніе Погодинъ объявить въ Москвитянинѣ, что „два тома уже написаны, третій пишется, и все сочиненіе выйдетъ въ продолженіе года“. [4]) 21-го мая 1842 г. на прощальномъ обѣдѣ у Аксаковыхъ, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, Гоголь „въ третій разъ обѣщалъ, что черезъ два года будетъ готовъ второй томъ, вдвое толще перваго.“ [5]) Но не прошло и года, какъ Гоголь уже оттягиваетъ срокъ окончанія второго тома. Въ февралѣ 1843 года Шевыревъ, завѣдывавшій продажею экземпляровъ „Мертвыхъ Душъ“, убѣждалъ Гоголя приступить ко второму изданію книги, но съ тѣмъ, чтобы къ нему былъ присоединенъ и второй томъ. На это Гоголь 28 февраля 1843 г. отвѣчаетъ

[1]) Сочиненія, III, 417.
[2]) Письма Гоголя, V, 436.
[3]) Воспоминанія и критическіе очерки, т. I, 231.
[4]) Русская Старина, 1875 г., IX, 126.
[5]) Записки о жизни Гоголя, I, 301.

слѣдующее: „Ты говоришь, что пора печатать второе изданіе „Мертвыхъ Душъ“, но что оно должно выйти необходимо вмѣстѣ съ II томомъ. Но если такъ, тогда нужно слишкомъ долго ждать. Еще разъ я долженъ повторить, что сочиненіе мое гораздо важнѣе и значительнѣе, чѣмъ можно предполагать по его началу. И если надъ первою частью, которая оглянула *едва десятую долю того, что должна* оглянуть вторая часть, просидѣлъ я почти пять лѣтъ... разсуди самъ, сколько долженъ просидѣть я надъ второй... Нужно знать и то, что горизонтъ мой сталъ... шире и пространнѣе, что мнѣ теперь нужно обхватить болѣе того, что... не вошло прежде. Если предположить самую безпрерывную и ничѣмъ не останавливаемую работу, то два года—это самый короткій срокъ,“ [1]) заканчиваетъ онъ. Очевидно, опять работа начала итти плохо. 28 мая 1843 года Гоголь пишетъ Прокоповичу, что „Мертвыхъ Душъ“ не только не приготовленъ II-й томъ къ печати, но даже не написанъ, и раньше двухъ лѣтъ (если только мои силы будутъ постоянно свѣжими въ это время), не можетъ выйти въ свѣтъ.“ Правда, медленность своей работы Гоголь объясняетъ колоссальностью труда. „Загляни въ жизнеописаніе сколько-нибудь знаменитаго автора или даже хотя замѣчательнаго, продолжаетъ онъ поучать Прокоповича, что ему стоила большая обдуманная вещь, которой онъ отдалъ всего себя. и сколько времени заняла? Всю жизнь, ни больше, ни меньше. Гдѣ жъ ты видѣлъ, чтобы произведшій эпопею, произвелъ сверхъ того пять-шесть другихъ.“ [2]) 24 іюня 1843 года Гоголь пишетъ Аксакову, что онъ почти ничего не сдѣлалъ во всю зиму. выключая немногихъ умственныхъ матеріаловъ, забранныхъ въ голову.“ [3]). Что-же касается слуховъ, которые дошли до Аксакова о „Мертвыхъ Душахъ“, то „все ложь и пустяки. Никому я не читалъ ничего изъ нихъ въ Римѣ“, говоритъ тутъ же

[1]) Письма Гоголя, новое изданіе, II, 263.
[2]) Ibid., 306.
[3]) Письма Гоголя, VI, 22; новое изданіе, II, 330.

Гоголь. Въ теченіе двухъ лѣтъ, которыя Гоголь предполагалъ употребить на окончаніе II-го тома, онъ думалъ пересмотрѣть и исправить также и первый томъ, чтобы вмѣстѣ со вторымъ напечатать и исправленное изданіе перваго тома. Онъ просилъ Языкова (письмо 28 мая 1843 г.) перечесть еще разъ первый томъ и сообщить ему свои замѣчанія. [1]) Но никто изъ друзей не прислалъ ему такихъ замѣчаній. Тогда Гоголь рѣшаетъ напечатать I томъ безъ всякихъ измѣненій и 6 октября 1843 года пишетъ объ этомъ Шевыреву, прося его сдѣлать только лишь незначительныя стилистическія поправки. Самъ-же онъ ничего не можетъ прибавить: поправки могутъ быть произведены тогда, когда онъ будетъ умнѣй. [2]) Въ это время въ Гоголѣ поднимается уже внутренняя работа, которая мѣшаетъ ему писать его поэму. „Я знаю“, пишетъ онъ Плетневу того-же 6 октября 1843 года, „что послѣ буду творить полнѣй и даже быстрѣй, но до этого еще не скоро мнѣ достигнуть. Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого, и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ новыхъ сочиненій“. [3])

Съ этого времени начинается поворотный пунктъ въ исторіи созданія II тома: авторъ рѣшается вынести глубокое внутреннее воспитаніе, отъ котораго ожидаетъ творчества болѣе полнаго и даже болѣе быстраго. Все, прежде созданное, въ теченіе 1840—1843 г., кажется ему недостаточнымъ, неудачнымъ, и онъ его какъ бы уничтожаетъ. По крайней мѣрѣ 2 декабря 1843 года Гоголь пишетъ Жуковскому, что онъ продолжаетъ работать, но „набрасываетъ на бумагу хаосъ,“ изъ котораго должно произойти созданіе „Мертвыхъ Душъ“. [4]) Анненковъ думаетъ, что около

[1]) Письма Гоголя, VI, 17—18.
[2]) Новое изданіе писемъ, II, 348.
[3]) Письма Гоголя VI, 29; новое изданіе II, 345.
[4]) Письма Гоголя VI, 38; новое изданіе II, 366.

этого времени произошло первое уничтоженіе рукописи „Мертвыхъ Душъ“ изъ трехъ, какимъ она подвергалась. „Если нельзя съ достовѣрностью говорить о совершенномъ истребленіи рукописи II тома въ это время, то, кажется, можно допустить предположеніе о совершенной передѣлкѣ его, равняющейся уничтоженію. Набрасываніе хаоса, изъ котораго должно произойти созданіе „Мертвыхъ Душъ“ (послѣ трехлѣтней работы надъ ними), не можетъ относиться ни къ продолженію поэмы, ни къ отдѣлкѣ какой-либо части ея. Не о постепенности въ творчествѣ или обыкновенномъ ходѣ его говоритъ это мѣсто, а о новой творческой матеріи, изъ которой должно получиться произведеніе“. [1]) Но академикъ Тихонравовъ, признавая переворотъ, обозначившійся въ концѣ 1843 года въ исторіи созданія поэмы, не видитъ основанія предполагать уничтоженіе рукописи „Мертвыхъ Душъ“: о немъ не говоритъ и авторъ, ясно опредѣлившій въ письмѣ къ Плетневу необходимость остановки въ созданіи поэмы. [2])

Постепенно, съ выясненіемъ новаго плана II тома, Гоголь дѣлается недоволенъ и I томомъ поэмы. Онъ уже не желаетъ перепечатывать его въ прежнемъ видѣ и 2 февраля 1844 года проситъ Шевырева не торопиться съ этимъ дѣломъ и пріостановить второе изданіе I тома.

Очевидно, онъ хотѣлъ его передѣлать въ духѣ новыхъ идей. Но смута, поднявшаяся въ Гоголѣ, парализовала его творчество. „Всякій часъ и минуту надо себя приневоливать“, пишетъ онъ Жуковскому 8 генваря 1844 года, „и не насильно почти ничего нельзя сдѣлать“. [3]) Поэтъ приписываетъ это тому, что его воспитаніе еще не кончилось, что ему надо поумнѣть. [4]) 2 апрѣля 1845 года Гоголь пишетъ Смирновой, что „онъ мучилъ себя, насиловалъ писать, страдалъ тяжкимъ страданіемъ,

---

[1]) Воспоминанія и критическіе очерки, I, 233.
[2]) Сочиненія, III, 540.
[3]) Письма, VI, 42.
[4]) Ibid., VI, 87; новое изданіе, II, 464.

видя безсиліе свое, и нѣсколько разъ уже причинялъ себѣ болѣзнь такимъ принужденіемъ и ничего не могъ сдѣлать, и все выходило принужденно и дурно“. [1]) Въ тяжелыя минуты онъ пробовалъ писать даже такъ, какъ писалось въ молодости, т. е. какъ попало, куда ни поведетъ перо, но ничего не выходило. [2]) Такое нервическое состояніе продолжаться долго не могло, и Гоголь заболѣлъ лѣтомъ 1845 года. Болѣзнь едва не свела его въ могилу. Онъ сожигаетъ вторую часть поэмы (въ началѣ іюля 1845 года), пишетъ завѣщаніе. Объясняя въ 1846 году, почему былъ сожженъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь говоритъ: „вывести нѣсколько прекрасныхъ характеровъ, обнаруживающихъ высокое благородство нашей породы, ни къ чему не поведетъ. Оно возбудитъ только одну пустую гордость и хвастовство. Многіе у насъ уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвалиться не въ мѣру русскими доблестями, и думаютъ вовсе не о томъ, чтобы ихъ углубить и воспитать въ себѣ, но чтобы выставить ихъ на показъ и сказать Европѣ: „Смотрите, нѣмцы, мы лучше васъ!“ Это хвастовство—губитель всего. Оно раздражаетъ другихъ и наноситъ вредъ самому хвастуну“. [3]) Но извѣстно, что Гоголь погрѣшилъ въ этомъ отношеніи еще въ первомъ томѣ, что и замѣтилъ ему Бѣлинскій въ своей критической статьѣ 1842 года. [4]) Такъ въ первомъ томѣ Гоголь превозноситъ мѣткость слова русскаго человѣка, говоритъ о томъ, что передъ Русью сторонятся и даютъ ей дорогу другіе народы и государства. [5]) Очевидно, это національное самохвальство было еще болѣе развито въ сожженной редакціи второго тома. Теперь-же, послѣ сож-

[1]) Новое изданіе писемъ, III, 37.

[2]) Сочиненія, IV, 264.

[3]) Сочиненія Гоголя, IV, 92—93.

[4]) „Авторъ слишкомъ легко судитъ о національности чуждыхъ племенъ, и не слишкомъ скромно предается мечтамъ о превосходствѣ славянскаго племени надъ ними. Мы думаемъ, что лучше оставлять всякому свое и, сознавая собственное достоинство, умѣть уважать достоинство и въ другихъ“: Сочиненія, VI, 414.

[5]) Сочиненія Гоголя, III, 106, 249.

женія, Гоголь думаетъ, что „бываетъ время, когда нельзя иначе устремить общество и даже все поколѣніе къ прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бываетъ время, что даже вовсе не слѣдуетъ говорить о высокомъ и прекрасномъ, не показавши тутъ же ясно, какъ день, путей и дорогъ къ нему для всякаго. Послѣднее обстоятельство было мало и слабо развито во второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому онъ и сожженъ“. [1]) Можно думать на основаніи этихъ, не совсѣмъ, впрочемъ, ясныхъ словъ, что Гоголь былъ недоволенъ именно отсутствіемъ реальности въ своихъ изображеніяхъ, и потому подвергъ рукопись сожженію. Недоволенъ онъ былъ также и тѣмъ, что не указалъ средствъ для исправленія падшему человѣку. Подтвержденіе этому мы находимъ и въ одномъ изъ его писемъ къ Смирновой отъ 20 апрѣля 1847 г. „Богъ не даромъ отнялъ у меня на время силу и способность производить произведенія искусства, чтобы я не сталъ произвольно выдумывать отъ себя, не отвлекался-бы въ идеальность, а держался бы самой существенной правды“. [2]) Начиная поправляться послѣ своей тяжкой болѣзни, Гоголь уже рѣзко выражаетъ свое недовольство I томомъ и набрасываетъ планъ переработки I и II тома. „Я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно „Мертвыхъ Душъ“, пишетъ онъ Смирновой 25-го іюля 1845 года. „Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ „Мертвыхъ Душъ“. Это покамѣстъ еще тайна автора, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ, раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущій трудъ мой“. [3])

[1]) Сочиненія Гоголя, IV, 93.

[2]) Письма Гоголя VI, 372; новое изданіе писемъ, III, 437.

[3]) Письма Гоголя VI, 204—205; новое изданіе, III, 80. Но еще раньше, вскорѣ послѣ отпечатанія I тома, въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ $^{18}/_{6}$ августа 1842 года, Гоголь говоритъ ему: „Ваше

Тѣ замѣтки относительно переработки I-го и II-го тома, какія въ это время набросалъ Гоголь, и какія для насъ сохранились, [1]) приподымаютъ передъ нами хоть немного завѣсу съ той таинственной идеи, которая „въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ“ предстала въ 1845 году передъ авторомъ. Это была та же идея, которая уже и раньше занимала мысли писателя (съ 1841 года) [2])—идея нравственнаго возрожденія, возможнаго для самаго презрѣннаго человѣка, только лишь она въ это время еще болѣе усилилась, какъ бы совершенно овладѣла писателемъ [3]) и, кромѣ того, осложнилась еще нѣкоторыми другими планами. Что

мнѣніе: нѣтъ человѣка, который бы понялъ съ перваго раза „Мертвыя Души“, совершенно справедливо и должно распространиться на всѣхъ, потому что многое можетъ быть понятно одному только мнѣ“: новое изданіе писемъ Гоголя, II, 205. Ср. мнѣніе Бѣлинскаго, высказанное въ томъ же 42 г., что „Мертвыя Души“, какъ всякое глубокое созданіе, не раскрывается вполнѣ съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда невиданное произведеніе. „Мертвыя Души“ требуютъ изученія“: Сочиненія, VI, 411. Но въ отрывкѣ чернового письма, неизвѣстно кому писаннаго, Гоголь, требуя критики на „Мертвыя Души“, говоритъ: „творенія мои тѣмъ отличаются отъ другихъ произведеній, что въ нихъ всѣ могутъ быть судьи,—всѣ читатели—отъ одного до другого, потому что предметы взяты изъ жизни, обращающейся вокругъ каждаго“: новое изданіе писемъ, II, 228; письмо 1842 года, ср. ibid., 265. Это мнѣніе Гоголя о своемъ произведеніи и можно считать единственно вѣрнымъ, всѣмъ же его мистическимъ толкованіямъ, подобно толкованію „Ревизора“, не надо придавать никакого значенія.

[1]) Замѣтки эти см. въ Сочиненіяхъ Гоголя, 3, 254—255.

[2]) См. между прочимъ письма Гоголя VI, стр. 139.

[3]) „Душа и дѣло душевное меня занимали“, пишетъ онъ Плетневу отъ $^{20}/_{8}$ февраля 1846 года, „и трудную задачу нужно было разрѣшить, предъ пользою которой ничтожны были тѣ пользы, которыя ты мнѣ поставилъ на видъ“. Всѣ испытанія „посланы мнѣ были для того, чтобы разрѣшилась скорѣе во мнѣ та трудная задача, которая безъ того не разрѣшилась бы во-вѣки. Вотъ все, что могу тебѣ сказать впередъ; остальное все договоритъ тебѣ мое же твореніе“: Письма Гоголя VI, 237. 8 іюля 1847 года Гоголь пишетъ Погодину: „У меня предметомъ былъ человѣкъ и душа человѣка. А теперь еще болѣе, чѣмъ когда либо прежде, это сдѣлалось моимъ предметомъ“; новое изданіе писемъ, IV, 13.

Гоголя въ это время очень сильно интересовало нравственное совершенствованіе человѣка, это мы можемъ видѣть и изъ того толкованія, какое онъ даетъ своему „Ревизору“ въ „Развязкѣ Ревизора“, написанной въ 1846 году. По толкованію Гоголя, данному имъ своей знаменитой комедіи, городъ, изображенный въ ней, есть „нашъ душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ“. Гоголь совѣтуетъ всякому побывать „въ безобразномъ душевномъ нашемъ городѣ“ и „съ проснувшеюся совѣстью“—истиннымъ ревизоромъ—пересмотрѣть „все, что ни есть въ насъ“, чтобы „страсти, обитающія въ душѣ нашей, не подкупили насъ“, такъ какъ „наши страсти—лицемѣры,—говорю вамъ, лицемѣры, прибавляетъ Гоголь, потому что самъ имѣлъ съ ними дѣло“. Здѣсь Гоголь также говоритъ что „душевный нашъ городъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ“. [1]) Что идея нравственнаго возрожденія человѣческой души особенно въ это время занимала Гоголя, на это мы имѣемъ и другое, въ высшей степени любопытное доказательство. Какъ извѣстно, во второмъ письмѣ къ Языкову, помѣщенномъ въ „Перепискѣ съ друзьями“, находится слѣдующее выраженіе: „О если бы ты могъ сказать ему (дремлющему русскому человѣку) то, что долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома „Мертвыхъ Душъ!“ [2]) Этого выраженія нѣтъ въ подлинномъ письмѣ къ Языкову, написанномъ 26-го декабря 1844 года; [3]) оно было вставлено въ него только лишь въ 1846 году, въ то время, когда Гоголь перерабатывалъ всѣ свои письма для изданія ихъ отдѣльной книгой.

Но, кромѣ того, что идея нравственнаго возрожденія человѣческой личности окрѣпла въ 1846 году въ Гоголѣ, [4]) она еще

---

[1]) Сочиненія Гоголя, II, 350—351. Такое объясненіе идеи „Ревизора“ встрѣтило самое энергическое возраженіе со стороны С. Т. Аксакова (см. Русскій Архивъ, 1890 г., 8, 160).

[2]) Сочиненія Гоголя, VI, 73.

[3]) См. Письма Гоголя, VI, 149; новое изданіе писемъ, II, 581.

[4]) Вотъ какъ опредѣляетъ Гоголь въ концѣ 1846 года, что такое поэзія: „Поэзія есть чистая исповѣдь души, а не порожденіе искус-

осложнилась около этого времени другими планами, еще болѣе грандіозными. „Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ „Мертвыхъ Душъ“, писалъ Гоголь 25 іюля 1845 года Смирновой. „Это покамѣстъ еще тайна автора, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ, раскрыться въ послѣдующихъ томахъ“... [1]) Этому не суждено было сбыться, но тайну автора хоть нѣсколько открываютъ намъ тѣ замѣтки, относительно переработки I-го и II-го тома, какія набросалъ Гоголь въ 1845 году послѣ сожженія второй части своей поэмы. „Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетней“ отнынѣ ему представляется „прообразованіемъ бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ, которая смѣняется мутною, ничего не говорящею смертью. Противоположное ему прообразованіе во второй (части), занятой разорваннымъ(?) бездѣльемъ“. Авторъ даже намѣчаетъ планъ, какъ „низвести всѣ міра бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ, и какъ городское бездѣлье возвести до прообразованія бездѣлья

ства или хотѣнія человѣческаго; поэзія есть правда души, а потому и всѣмъ равно можетъ быть доступна. Способность вымысла и творчества есть слишкомъ высокая способность и дается однимъ только всемірнымъ геніямъ, которыхъ появленіе слишкомъ рѣдко на землѣ. Опасно и вступать на этотъ путь другому. Многіе даже изъ первоклассныйшихъ талантовъ становились ниже себя, зашедши въ область вымысла; но высоко возвышались даже и небольшіе таланты, когда событіями собственной души своей были наведены на то, чтобы передавать одну чистую правду души. Приспѣваетъ время, когда жажда исповѣди душевной становится сильнѣе“: Письма Гоголя VI, 305; новое изданіе, III, 279. Ср. въ письмѣ къ Анненкову въ августѣ 1847 года: сношенія съ разными людьми дали ему возможность „любоваться красотой души, которая есть перлъ и жемчужина Божьихъ твореній. Я ловилъ всѣ оттѣнки ея и движенія, разбросанныя по частямъ во многихъ изъ тѣхъ людей, съ которыми я встрѣчался душевно. Плодъ этого наблюденія вы, можетъ быть, встрѣтите въ „Мертвыхъ Душахъ“, если Богъ поможетъ, какъ слѣдуетъ, имъ написаться“: новое изданіе писемъ, IV, 70.

[1]) Письма VI, 204—205; новое изданіе писемъ, III, 80; ср. въ письмѣ къ Языкову отъ 2 января 1846 года, гдѣ Гоголь говоритъ, что большая часть его соотечественниковъ впала въ глупую ошибку, принявъ „Мертвыя Души“ за портретъ Россіи, Письма VI, 229.

міра“, и говоритъ, что для этого нужно „включить все сходство и внести постепенный ходъ(?)“. [1]) Основываясь на этихъ, нѣсколько, впрочемъ, неясныхъ намекахъ, мы можемъ себѣ представить теперь во всей широтѣ ту грандіозную идею, какую хотѣлъ Гоголь провести въ своемъ II томѣ. Отнынѣ исторія возрожденія падшей русской души будетъ служить прообразомъ возрожденія всего человѣчества въ массѣ. Первый томъ, въ которомъ изображены только лишь пошлые люди, теперь, по новому толкованію Гоголя, является „преобразованіемъ бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ“, поэтому для него, „вслѣдствіе уже давно принятаго плана, требовались именно люди ничтожные“, заявляетъ Гоголь, заднимъ, конечно, числомъ въ 1843 году. [2]) Во второмъ томѣ должно было изобразить „разорванное“ бездѣлье, то-есть, вѣроятно, Гоголь намѣревался изобразить людей, смутившихся отъ своихъ пороковъ и устремившихся къ истинѣ, какъ Чичиковъ, Хлобуевъ и всѣ чиновники, которые должны были проникнуться чувствительною рѣчью генералъ-губернатора. И наконецъ, въ третьемъ томѣ Гоголь думалъ изобразить полное просвѣтлѣніе и возрожденіе всѣхъ этихъ лицъ, даже Плюшкина, указавъ имъ „прочное дѣло“ въ жизни и заставивъ ихъ увлечься этимъ дѣломъ. Все это возро-

[1]) Сочиненія Гоголя, III, 255.

[2]) Сочиненія Гоголя, IV, 89. „Прототипы этого и другихъ трехъ писемъ по поводу „Мертвыхъ Душъ“, отправленныхъ Плетневу для напечатанія 12 сентября новаго стиля 1846 года, не указаны“, говоритъ Тихонравовъ. „Можетъ быть, ихъ и не было, и „четыре письма“ относятся къ числу тѣхъ немногихъ статей по литературѣ, которыя были прибавлены къ перепискѣ съ друзьями“ (Ibid., 521.), и которыя, прибавимъ отъ себя, своимъ возникновеніемъ обязаны болѣе позднему времени, чѣмъ 1843 годъ. На это мы находимъ намекъ въ письмѣ Гоголя къ Языкову отъ 22-го апрѣля 1846 года: „я попробую издать (свои письма), прибавивъ кое-что вообще о литературѣ“: письма VI, 246. Что касается плана при созданіи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, то мы должны сказать, что съ самаго начала онъ былъ одинъ и тотъ-же: всѣ четыре полныя редакціи сохраняютъ одинъ, державшійся въ головѣ автора планъ; см. сочиненія Гоголя, III, 511.

жденіе должно было произойти на почвѣ природныхъ русскихъ добродѣтелей и послужить урокомъ не только для русскихъ людей, но и для всего человѣчества. [1]) Съ этихъ поръ всѣ безобразныя

[1]) Видя сумятицы, происходящія въ Европѣ, Гоголь говоритъ, что въ Россіи всетаки легче, лучше, что „въ Россіи еще брежжетъ свѣтъ, есть еще пути и дороги къ спасенію“; „уже незримо образовываются на разныхъ поприщахъ истинные мудрецы жизненнаго дѣла. Еще пройдетъ десять лѣтъ, и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продаютъ больше на Европейскихъ рынкахъ. Я бы назвалъ вамъ многихъ такихъ, которые составятъ когда-нибудь красоту земли русской и принесутъ ей вѣковѣчное добро“ (Сочиненія, IV, 144, письмо 1846). Эти прекрасные люди, конечно, всѣ друзья Гоголя и между ними славянофилы (о сходныхъ мнѣніяхъ славянофиловъ относительно гніенія Запада и о стремленіи послѣдняго позаимствовать мудрости у восточной образованности см. у Пыпина, Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20—50 годовъ, стр. 260). Извѣстны опасенія Бѣлинскаго еще въ 1842 году, что „въ этомъ кружкѣ (т. е. въ томъ, въ которомъ вращался тогда Гоголь), онъ (Гоголь) какъ разъ сдѣлается органомъ „Москвитянина“ (Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, II, 147). Но нужно помнить, что Гоголь, воспринимая идеи славянофиловъ, при своей оригинальности и нѣкоторой самомнительности, не всегда имъ вполнѣ слѣдовалъ и развивалъ ихъ нѣсколько самостоятельно, такъ что и славянофилы не всегда имъ были довольны. Гоголь, напримѣръ, порицалъ переряживаніе славянофиловъ, ихъ внѣшнее подражаніе всему русскому. „А они—надѣлъ кафтанъ да запустилъ бороду, да и воображаютъ, что распространяютъ этимъ русскій духъ по русской землѣ“ (Письма, VI, 267, письмо 1846 г., 5 октября); о томъ же онъ пишетъ и К. С. Аксакову, хотя, конечно, мягче (Новое изданіе писемъ IV, 148). Въ статьѣ своей „Споры“ Гоголь говоритъ, что и славянофилы, и западники одинаково не правы, но, разумѣется, „правды больше на сторонѣ славянистовъ и восточниковъ, потому что они всетаки видятъ весь фасадъ и, стало-быть, всетаки говорятъ о главномъ, а не о частяхъ“ (Сочиненія, IV, 53, письмо 1844 г.). „Перепиской“ своей съ друзьями, какъ извѣстно, Гоголь не удовлетворилъ ни западниковъ, ни славянофиловъ. Онъ, напр., даетъ совѣтъ Языкову (письмо 5 апрѣля 1845 г.) перетряхнуть нашу старину, особенно времена царей. „Они живѣй и говорящѣй, и ближе къ намъ,—и ты въ нѣсколько разъ выиграешь болѣе, когда тѣ русскія стихіи и чисто славянскія струи нашей природы, изъ-за которыхъ идетъ споръ, выставишь въ живыхъ и говорящихъ обра-

явленія русской жизни приводятся имъ въ связь съ той сумятицей, какая вообще существовала, по его мнѣнію, въ то время среди человѣчества, и авторъ хочетъ дать лѣкарство отъ этой болѣзни не только своимъ землякамъ, но и всему міру. „Приходитъ такое время“, говоритъ онъ въ письмѣ отъ 16 марта 1846 года, „когда появленіе моей поэмы есть существенная необходимость для теперешняго положенія дѣлъ и мыслей“. [1]) „Все, и молодость, и старость, до того запуталось въ понятіяхъ, что не можетъ само себѣ дать отчета. Одни въ полномъ невѣжествѣ дожевываютъ Европейскіе уже выплюнутые жеваки; другіе изблевываютъ свое собственное несваренiе. Рѣдкіе, очень рѣдкіе слышатъ и цѣнятъ то, что въ самомъ дѣлѣ составляетъ нашу силу“. [2]) Онъ желаетъ „произвести свой трудъ такъ, чтобы онъ имѣлъ доброе вліяніе, чтобы образумились многіе и обратились бы къ тому, что должно быть вѣчно и незыблемо“. [3]) „Все, что разсказываетъ Анненковъ, какъ очевидецъ, о Парижскихъ происшествіяхъ, просто страхъ“, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ: „совер-

захъ“ (Письма, VI, 181). Уже въ началѣ 1845 года въ творческой фантазіи Гоголя мелькалъ образъ такого человѣка, который могъ быть потребенъ его времени. Такъ Языкову отъ 2 января 1845 года Гоголь говоритъ, что „нынѣшнему человѣку среди нынѣшняго вѣка предметомъ восхваленій долженъ быть мужъ, потребный современнымъ обстоятельствамъ.“ Такимъ мужемъ можетъ быть или тотъ, который и „среди унынія другихъ не предается унынію, но сѣетъ бодрость въ души, подъемлетъ всюду падшаго и воздвигаетъ духъ въ человѣкѣ“, или тотъ, который отдалъ себя на служеніе Богу и переноситъ твердо всѣ несчастія, или тотъ, который раньше велъ порочную жизнь, но отрезвился и сталъ такимъ образомъ „возвышеннѣе даже того, кто всю жизнь провелъ въ честности“, или наконецъ тотъ, который „отъ бездѣльной и лежебокой жизни обращается вдругъ къ дѣятельности и превращается такимъ образомъ изъ бабы въ мужа“ (Письма, VI, 162—163). Здѣсь мы видимъ то идейное содержаніе, которое хотѣлъ Гоголь воплотить въ такихъ своихъ образахъ, какъ Муразовъ, Констанжогло, Хлобуевъ, Тентетниковъ.

[1]) Письма Гоголя, VI, 241.

[2]) Ibid., 496, письмо отъ 14 декабря 1849 года.

[3]) Ibid., 462—463.

шенное разложеніе общества! Тѣмъ болѣе это безотрадно, что никто не видитъ никакого исхода и выхода и отчаянно рвется въ драку затѣмъ, чтобы быть только убиту. Никто не въ силахъ вынесть страшной тоски этого рокового переходнаго времени, и почти у всякаго ночь и тьма вокругъ“. [1]) Впрочемъ, мысль о томъ, что человѣчество часто заблуждалось въ теченіе своей исторіи, уже давно занимала Гоголя. Такъ, еще во второй заграничной редакціи I тома мы находимъ у Гоголя лирическое отступленіе, въ которомъ онъ говоритъ, какъ часто отшатывалось отъ прямого пути человѣчество и шло по косвенной, невѣрной дорогѣ: „разверните гремящую лѣтопись міра, что въ ней? Сколько въ ней предстанетъ очамъ столѣтій, которыя бы всѣ уничтожилъ и изгладилъ, какъ ненужныя; видишь, какъ не одинъ разъ отшатнулось человѣчество и пошло по косвенной, невѣрной дорогѣ, тогда какъ истина сіяла яснѣе солнца, и, кажется, весь открытъ былъ прямой путь, по которому бы должно было потечь оно; но отшатнулось ослѣпленное человѣчество, не замѣчая, и, разъ попавши на ложную дорогу, пошло столѣтіями блуждать и теряться, пока не очутилось вдругъ въ невѣдомой глуши, вопрошая испуганными очами: „Гдѣ выходъ? гдѣ дорога?“ И родились, какъ посыпавшіеся листья, какъ черви въ дождь, неслыханныя слѣдствія отъ незаконныхъ причинъ, и произошли дѣла, которыхъ не признали бы своими сами сотворившіе ихъ, а отъ которыхъ бы со страхомъ

[1]) Письма Гоголя, новое изданіе, IV, 219, письмо отъ 24 сентября 1848 года. Ср. въ письмѣ къ Бѣлинскому въ августѣ 1847 года: „Хоть-бы вы опредѣлили, что такое нужно разумѣть подъ именемъ европейской цивилизаціи! Тутъ и фаланстьеры, и красные, и всякіе, и всѣ другъ друга готовы съѣсть, и всѣ носятъ такія разрушающія, такія уничтожающія начала, что трепещетъ въ Европѣ всякая мыслящая голова и спрашиваетъ невольно: гдѣ наша цивилизація? Пустой призракъ явился въ видѣ этой цивилизаціи“ (ibid., IV, 35—36). Ср. также письмо 1846 года „Страхи и ужасы Россіи“: „Въ Европѣ завариваются теперь повсюду такія сумятицы, что не поможетъ никакое человѣческое средство, когда они вскроются“ (Сочиненія Гоголя IV, 142).

отвратились отдаленные отцы ихъ, какъ отвращается мать отъ чудовища, подкинутаго на мѣсто сына. И видитъ все это текущее поколѣніе, и видитъ ясно, и дивится, какъ можно было подобнымъ образомъ заблуждаться, и смѣется надъ неразумiемъ своихъ предковъ, смѣется, не видя, что огненными письменами начертаны сіи страницы, что кричитъ въ нихъ каждая буква, что отвсюду устремленъ изъ нея пронзительный перстъ на него же, на него, на текущее поколѣніе; но смѣется текущее поколѣніе и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки". [1]) И вотъ, все болѣе и болѣе задумываясь надъ этими печальными явленіями, Гоголь полагалъ, „что о многомъ существенномъ и главномъ слѣдуетъ напомнить человѣку вообще и русскому въ особенности". [2]) Онъ, конечно, сознавалъ всю трудность взятой на себя задачи, но надѣялся, что Богъ ему поможетъ ее совершить. „Какое полное знаніе жизни, сколько разума и безпристрастія старческаго нужно для того, чтобы создать такіе живые образы и характеры, которые пошли бы *навѣки* въ урокъ людямъ, которыхъ никто бы не назвалъ въ то же время идеальными, но почувствовалъ, что они взяты изъ нашего же тѣла, изъ нашей же русской природы! Какъ много нужно сообразить, чтобы создать такихъ людей, которые были бы истинно нужны нынѣшнему времени". [3]) Эта необъятная идея, которой отдался Гоголь съ 1845 года, и была причиной того, что работа его тормозилась, и не могла быть приведена къ желанному концу. Кромѣ того, и религіозныя сомнѣнія много ему мѣшали работать. Не смотря на то, что религіозность была свойственна Гоголю съ самыхъ малыхъ лѣтъ, не смотря на то, что поддержку ей онъ нашелъ и въ славянофильскомъ ученіи, и въ кругу такихъ лицъ,

[1]) Сочиненія Гоголя, VII, стр. 340—341; ср. въ печатной редакціи III, 210—211. Этого мѣста нѣтъ въ первой полной редакціи: см. VII, 130.

[2]) Письма, новое изданіе, IV, 342, письмо 1850 года.

[3]) Письма Гоголя, VI, 417, письмо отъ 24 августа 1847 года; новое изданіе, IV, 60.

какъ Смирнова, графъ Толстой и въ особенности о. Матвѣй, но религіозныя сомнѣнія, очевидно, часто мучили Гоголя, и онъ къ ужасу своему убѣждался, что „вѣры у него совсѣмъ нѣтъ“, и что ему далеко до нравственнаго совершенства. Такъ, въ началѣ 1848 года онъ пишетъ о. Матвѣю: „Признаю Христа Бога человѣкомъ только потому, что такъ велитъ мнѣ мой умъ, а не вѣра. Я изумился Его необъятной мудрости и съ нѣкоторымъ страхомъ почувствовалъ, что невозможно земному человѣку вмѣстить ее въ себѣ, изумлялся глубокому познанію Его души человѣческой, чувствуя, что такъ знать душу человѣка можетъ только самъ Творецъ ея. Вотъ и все, но вѣры у меня нѣтъ“. [1]) И онъ постоянно проситъ своихъ знакомыхъ помолиться о немъ, чтобы Богъ его вразумилъ. Мы согласны съ мнѣніемъ Елисеева, который думаетъ, что Гоголь „смотрѣлъ на себя какъ на Божьяго избранника, котораго Богъ возлюбилъ съ дѣтства, чтобы совершить черезъ него внесеніе истиннаго свѣта въ Россію, черезъ то чудное созданіе, которое творилось и сосершалось въ его душѣ. Созданіе это было „Мертвыя Души“. Такъ какъ оно могло осуществиться въ этомъ внушенномъ свыше идеалѣ, въ какомъ предносилось уму Гоголя, только по мѣрѣ нравственнаго очищенія своей души и приближенія ея къ идеалу христіанской чистоты, то Гоголя непрестанно должны были колебать сомнѣнія прежде всего и больше всего насчетъ его нравственной чистоты: такъ ли хорошо очистилъ онъ свою душу, чтобы былъ достоинъ продолжать свою работу, настолько ли онъ ясно понимаетъ божественное внушеніе и настолько ли умѣло прилагаетъ его къ русскому обществу, какъ это предносится въ находящемся въ душѣ его идеалѣ?“ [2]) Сомнѣнія въ томъ, что онъ

[1]) Письма Гоголя, новое изданіе, IV, 154; у Кулиша это мѣсто опущено.

[2]) Русское Богатство, 1902 года, I, 48—49. Такое мессіанистическое настроеніе Гоголя легко можетъ быть объяснено. При своей врожденной религіозности, усиленной еще вліяніемъ тѣхъ лицъ, среди которыхъ онъ вращался, при своей мистической склонности

достигъ совершенной нравственной чистоты, что онъ вполнѣ постигъ предначертанія Божества, мучили Гоголя до конца его

еще съ юныхъ лѣтъ видѣть вмѣшательство Промысла въ свою личную жизнь, Гоголь могъ легко прійти къ заключенію, что онъ, какъ великій поэтъ (о чемъ ему неоднократно говорили и устно, и печатно, напримѣръ, Бѣлинскій, который еще въ 1842 году высказалъ мнѣніе, что „Гоголь могъ бы произвести колоссальныя созданія и со стороны содержанія“: Сочиненія, VI, 545), избраннаго Богомъ народа, призванъ въ міръ для того, чтобы сказать людямъ новое слово. Это мессіанистическое настроеніе могло поддерживаться и примѣромъ польскаго поэта Мицкевича, который говорилъ, что „главный ключъ, изъ котораго струится высшее поэтическое вдохновеніе *есть религіозность, есть откровеніе правды души, смиреніемъ проникнутой и расположенной къ ея воспріятію*“ (Спасовичъ, Исторія польской литературы, изданіе 2, томъ II, 637). О дружественныхъ отношеніяхъ Гоголя къ Мицкевичу мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Но намъ извѣстно, что во время своего пребыванія въ Парижѣ въ 1836 году Гоголь сблизился съ Мицкевичемъ и другимъ польскимъ писателемъ Богданомъ Залѣсскимъ. Что отношенія эти были довольно близки, это намъ показываетъ одна записка Гоголя къ Залѣсскому, въ которой онъ называетъ польскаго поэта „дуже блызькимъ землякомъ, а по серцю ще блыжчымъ, чымъ по земли“ (см. Кіев. Старина, 1899 г., X, стр. 284; новое изданіе писемъ Гоголя, I, 431). Затѣмъ съ Мицкевичемъ Гоголь очень часто видѣлся осенью 1837 года въ Женевѣ (Шенрокъ, III, 201). 11-го апрѣля 1838 года Гоголь проситъ Данилевскаго прислать ему „Пана Тадеуша“ Мицкевича, „удивительнѣйшую вещь“ (Письма, I, 483). Въ апрѣлѣ 1839 года Гоголь проситъ Данилевскаго, проживавшаго тогда въ Парижѣ, познакомить съ Мицкевичемъ Погодина и Шевырева, которые тоже ѣхали въ Парижъ (ibid., 278). Въ маѣ 1839 года Гоголь проситъ Шевырева „крѣпко обнять за него Мицкевича“ (ibid., 289; ср. новое изданіе писемъ Гоголя, I, 603). По всей вѣроятности, и позднѣйшая дѣятельность польскаго поэта, когда онъ съ половины 1841 года „умственно свихнулся, оступился въ мистицизмъ, котораго обильные задатки имѣлись въ его душевной организаціи, когда онъ вмѣсто науки сталъ (съ каѳедры въ Парижѣ) преподавать религіозное ученіе и политику“ (Спасовичъ, Исторія польской литературы, II, 669), когда онъ, наконецъ, началъ проповѣдывать ученіе Товянскаго,—не осталась неизвѣстной Гоголю. Даже между злосчастной „Перепиской съ друзьями“ Гоголя и „Книгами польскаго народа и странничества“ Мицкевича (изданной въ Парижѣ въ 1832 году), чувствуется какое-то родство: „Księgi narodu

жизни, [1]) хотя иногда ему и казалось, особенно послѣ тѣхъ споровъ, какіе поднялись по поводу изданія „Переписки съ друзьями“, что „дѣло можетъ пойти хорошо“, [2]) и что все, случившееся съ нимъ, „Божьей милостью обратилось для него въ душевное добро и въ предметъ созданій точно художественныхъ, если только дастъ Богъ силы физическія совершить то, что уже вызрѣло въ душѣ и въ умѣ“. [3])

Новая редакція II-го тома начата была въ 1846 году; по крайней мѣрѣ, 20-го февраля 1846 года Гоголь извѣщаетъ Смирнову, „что голова и мысль у него вызрѣли“, конечно, относительно новой редакціи II-го тома, [4]) а 16 марта того-же года Гоголь уже пишетъ Жуковскому, что ему „удалось кое-что написать изъ „Мертвыхъ Душъ“ (въ новомъ направленіи), которое все будетъ ему въ скорости прочитано“. [5]) Работа сначала, повидимому, подвигалась. Черезъ нѣсколько дней послѣ письма къ Жуковскому (23 марта 1846 года), Гоголь извѣщаетъ Аксакова, что онъ работаетъ: „Богъ даетъ ему минуты, за которыя онъ не знаетъ и не находитъ словъ, какъ благодарить“. [6]) Но вскорѣ Гоголь почувствовалъ, что у него нѣтъ почвы подъ ногами, нѣтъ матеріала, необходимаго для созданія II-го тома и для исправ-

---

polskiego i pielgrzymstwa polskiego“ написаны „библейскимъ слогомъ, прозою“ и по своимъ идеямъ много напоминаютъ широковѣщательныя письма Гоголя.

[1]) См., напримѣръ, письмо къ іеромонаху Оптинской пустыни Филарету (около 21 іюня 1850 года), гдѣ Гоголь проситъ игумена помолиться о немъ, чтобы „Богъ удостоилъ его недостойнаго повѣдать славу имени Его, несмотря на то, что онъ всѣхъ грѣшнѣйшій и недостойнѣйшій“. Богъ можетъ его чернаго, какъ уголь, убѣлить и возвести до той чистоты, до которой долженъ достигнуть писатель, дерзающій говорить о святомъ и прекрасномъ“ (Новое изданіе писемъ, IV, 328).

[2]) Новое изданіе писемъ, IV, 97 (письмо 20 ноября 1847 года).

[3]) Ibid., 107 (письмо 7 декабря 1847 года).

[4]) Ibid., VI, 239; новое изданіе, III, 152.

[5]) Ibid., VI, 241, и III, 155.

[6]) Ibid., VI, 243.

ленія I-го. Чтобы добыть эти матеріалы, онъ рѣшается обратиться къ широкой публикѣ, пишетъ предисловіе ко 2 изданію I-го тома и печатаетъ книгу „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

„Переписка съ друзьями“ имѣетъ самую тѣсную, самую непосредственную связь со II томомъ „Мертвыхъ Душъ“. [1]) Прежде всего, Гоголь, говоря о ея значеніи, употребляетъ такія-же слова, какъ и тогда, когда онъ говоритъ о значеніи II тома: „это первая моя дѣльная книга, нужная у насъ многимъ, а можетъ быть, если Богъ будетъ такъ милостивъ, принесущая имъ дѣйствительную пользу“. [2]) Еще яснѣе это видно изъ другого письма Гоголя: „видя, что еще не скоро я совладаю съ моими „Мертвыми Душами“, и скорбя истинно о безхарактерности направленія и совершенной анархіи въ литературѣ, проводящей время въ пустыхъ спорахъ, я поспѣшилъ заговорить о тѣхъ вопросахъ, которые меня занимали и которые готовился развить или создать въ живыхъ образахъ и лицахъ“; [3]) видно также и изъ „Авторской исповѣди“: „изъ боязни, что мнѣ не удастся окончить того сочиненія моего, которымъ занята была постоянно мысль моя въ теченіе десяти лѣтъ, я имѣлъ неосторожность заговорить впередъ кое о чемъ изъ того, что должно было мнѣ доказать въ лицѣ вывыденныхъ героевъ повѣствовательнаго сочиненія“. [4]) О связи и значеніи „Переписки“ для II-го тома академикъ Тихонравовъ говоритъ слѣдующее: „Гоголь набрасываетъ въ письмѣ къ Языкову рукою учителя программу предметовъ для лирическаго поэта въ нынѣшнее время и предлагаетъ въ ней лирическому поэту разработать сюжеты, надъ которыми трудился для

[1]) Тихонравовъ говоритъ, что „Переписка“ приподняла передъ публикой завѣсу съ того новаго направленія, которое должно было выразиться полно и рельефно въ новой редакціи второго тома „Мертвыхъ Душъ“,—Сочиненія Гоголя, III, 545—546.

[2]) Новое изданіе писемъ, III, 213.

[3]) Ibid., IV, 66.

[4]) Сочиненія, IV, 243.

второй части „Мертвыхъ Душъ“. „Переписка съ друзьями“ идетъ не столько параллельно съ созданіемъ *въ новомъ* видѣ второй части „Мертвыхъ Душъ“, сколько подготовляетъ ее: отдѣльныя письма нерѣдко предшествуютъ главамъ поэмы, какъ очеркъ, какъ этюдъ для картины. Это пропилеи, которыя вели Гоголя къ величественному храму, виднѣвшемуся вдали сквозь застилавшій его туманъ“. [1]) Несмотря на признаніе самого Гоголя, что „Переписка съ друзьями“ нанесла ему пораженіе, [2]) онъ никогда вполнѣ не отказывался отъ тѣхъ взглядовъ, которые въ ней выражены. [3]) И дѣйствительно, многія идеи „Переписки“ нашли себѣ поэтическое воспроизведеніе во II томѣ новой редакціи, не говоря уже о болѣе ранней. Такъ мысль о томъ, что плута можно возродить, попрекнувши его достоинствами, имъ употребленными во зло, [4]) нашла себѣ примѣненіе во вновь написанной проповѣди Муразова, въ которой онъ попрекаетъ Чичикова „имъ же, его достоинствами, имъ опозоренными“. Этой проповѣди нѣтъ въ первой редакціи второго тома „Мертвыхъ Душъ“. [5]) Затѣмъ въ письмѣ „Русскій помѣщикъ“ высказываются такіе взгляды на великое призваніе помѣщика, какіе не разъ Гоголь проводитъ и во второмъ томѣ. [6]) Точно также тотъ идеалъ генералъ-губернатора,

[1]) Сочиненія Гоголя, IV, 473.

[2]) „Она мнѣ позоръ“, говоритъ Гоголь въ письмѣ къ Аксакову отъ 28 августа 1847 г.; новое изданіе писемъ IV, 66.

[3]) „Вывести вполнѣ вѣрнаго заключенія о всей книгѣ вообще никто не могъ; не смотря на все ребячество и незрѣлость этой книги, въ ней видны слѣды взгляда болѣе полнаго, чѣмъ, у тѣхъ, которые дѣлаютъ на нее замѣчанія и критики“ (28 августа 1847 г.; см. новое изданіе писемъ, IV, 65). Существуютъ и теперь поклонники „Переписки съ друзьями“. Такъ, Волынскій называетъ эту книгу „оклеветанной, великой“ (Русскіе критики, 697), говоритъ: „это оклеветанная, замѣчательная книга, которою Россія можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ“ (Ibid., стр. 713).

[4]) Мысль эта выражена въ письмѣ „Къ занимающему важное мѣсто“, Сочиненія IV, 150.

[5]) Сочиненія, IV, 518 и примѣчаніе.

[6]) Ibid., 298 (Тентетниковъ), 349 (Констанжогло).

который Гоголь рисуетъ Толстому въ письмѣ „занимающему важное мѣсто“, олицетворенъ во II томѣ въ князѣ генералъ-губернаторѣ, дѣйствующемъ подъ вліяніемъ Муразова. Доказываетъ это найденный въ бумагахъ Гоголя академикомъ Тихонравовымъ набросокъ рѣчи генералъ-губернатора, набросокъ, который относится къ послѣднимъ годамъ жизни Гоголя и который напечатанъ въ VII томѣ его сочиненій. [1])

Гоголь придавалъ большое значеніе и своему предисловію ко 2-му изданію I-го тома и „Перепискѣ съ друзьями“. [2]) Но онъ скоро горько былъ разочарованъ. И предисловіе, и переписка сурово были встрѣчены Бѣлинскимъ и мало принесли Гоголю требуемыхъ имъ замѣчаній. На него посыпались только упреки, сѣтованія на то, что онъ оставилъ искусство. Гоголю нужно было оправдаться, особенно передъ С. Т. Аксаковымъ, и вотъ въ 1847 году онъ берется за перо, чтобы написать исторію своего творчества и доказать, по его словамъ, что онъ всегда придерживался одного и того-же направленія. „Авторская исповѣдь“ [3]) вызвана письмами о „Выбранныхъ мѣстахъ“ и въ особенности письмомъ Аксакова. Второй томъ въ это время, по необходимости, отходитъ на второй планъ.

Окончивъ „Авторскую исповѣдь“ въ 1847 году, Гоголь въ началѣ 1848 года совершилъ давно задуманное путешествіе въ Іерусалимъ, чтобы „много, много обдумать у гроба самого Господа, и отъ Него испросить благословеніе на все“. [4]) Но своимъ

---

[1]) Сочиненія, VII, стр. 446—450; ср. ibid., 802. Подробнѣе говорить о совпаденіи идей „Переписки“ со II т. „Мертвыхъ Душъ“ мы не будемъ; объ этомъ см. между прочимъ у Шенрока, IV, 891, 901.

[2]) Работая надъ „Перепиской съ друзьями“ и оцѣнивая ея значеніе для общества, Гоголь говоритъ слѣдующее о себѣ: „*одинъ*, можетъ быть, человѣкъ нашелся *на всей Руси*, который именно подумалъ болѣе всѣхъ о самомъ существенномъ, заставилъ себя серьезно подумать о томъ, чѣмъ прежде всего слѣдовало бы каждому заняться изъ насъ“, Новое изданіе писемъ, III, 192, письмо отъ 20 іюля 1846 г.

[3]) Работалъ надъ ней Гоголь въ маѣ и іюнѣ 1847 года.

[4]) Письма, VI, 285.

путешествіемъ Гоголь остался недоволенъ: „никогда еще такъ ощутительно не видѣлась ему его безчувственность, черствость и деревянность“. [1]) Возвратился онъ въ Россію весною 1848 года и лѣто провелъ у себя въ деревнѣ Васильевкѣ. Въ деревнѣ его не покидала мысль о сочиненіи, [2]) но работалось плохо. Осенью онъ отправился въ Москву, но и тутъ работа шла не лучше. 18-го ноября 1848 года онъ извѣщаетъ Смирнову, что „серьезно принимается обдумывать тотъ трудъ, для котораго далъ Богъ средства и силы, чтобы смерть по крайней мѣрѣ застала за дѣломъ, а не за праздным безделъемъ“. [3]) Въ то же время (20-го ноября) онъ извѣщаетъ Плетнева, что „соображаетъ, думаетъ и обдумываетъ II томъ „Мертвыхъ Душъ“. Онъ занимается больше чтеніемъ, и прежде, чѣмъ примется серьезно за перо, хочетъ назвучаться русскими звуками, такъ такъ боится погрѣшить противъ языка“. [4]) Не лучше дѣло подвигалось и въ слѣдующемъ 1849 году. 3-го апрѣля того года Гоголь извѣщаетъ Жуковскаго, что на него напало какое-то оцѣпенѣніе, онъ ничего не издалъ, и ничего не готовитъ издать, что и приготовляетъ, то идетъ медленно и не можетъ никакъ выйти скоро, и Богъ одинъ знаетъ, когда выйдетъ“. [5]) Къ маю, впрочемъ, у Гоголя кое-что уже было написано, и онъ ждетъ нетерпѣливо прочесть Жуковскому все, что среди колебаній и тревогъ удалось создать. [6]) Чтобы разсѣяться, Гоголь рѣшилъ поѣхать въ гости къ Смирновой—сначала въ ея имѣніе Бѣгичево, а потомъ въ ея загородный домъ въ Калугѣ. Здѣсь въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ читалъ ей нѣсколько главъ новой редакціи II тома. По словамъ очевидца (родственника Смирновой—Арнольди), „первая глава новой редакціи начиналась иначе и вообще была лучше обработана, хотя содержаніе

[1]) Письма VI, 461.
[2]) Ibid., 462; новое изданіе писемъ IV, 190.
[3]) Письма, VI, 475; новое изданіе писемъ, IV, 230.
[4]) Ibid., 476; новое изданіе, IV, 232.
[5]) Письма VI, 482; новое изданіе, IV, 243.
[6]) Ibid., 487, IV, 255.

ея было то-же. Хохотомъ генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею слѣдовала другая, въ которой описанъ весь день въ генеральскомъ домѣ. Чичиковъ остался обѣдать. Къ столу явились, кромѣ Улиньки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанецъ или португалецъ, проживавшій у Бетрищева въ деревнѣ съ незапамятныхъ временъ и не извѣстно для какой надобности. Первая была дѣвица среднихъ лѣтъ, существо безцвѣтное, неправильной наружности, съ большимъ тонкимъ носомъ и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по цѣлымъ днямъ, и только безпрерывно вертѣла глазами въ разныя стороны съ глуповопросительнымъ взглядомъ. Португалецъ, сколько я помню, назывался Экспантонъ, Хситендонъ, или что-то въ этомъ родѣ: но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто— Эскадронъ. Онъ тоже постоянно молчалъ, но послѣ обѣда долженъ былъ играть съ генераломъ въ шахматы. За обѣдомъ не произошло ничего необыкновеннаго. Генералъ былъ веселъ, и шутилъ съ Чичиковымъ, который ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; Улинька была задумчива, и лицо ея оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетниковѣ. Послѣ обѣда генералъ сѣлъ играть съ испанцемъ въ шахматы и, подвигая шашки впередъ, безпрерывно повторялъ: „полюби насъ бѣленькими...“ „Черненькими, ваше превосходительство“, перебивалъ его Чичиковъ. „Да, повторялъ генералъ, полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ самъ Господь Богъ полюбитъ“. Черезъ пять минутъ онъ опять ошибался, и начиналъ опять: „полюби насъ бѣленькими“, и опять Чичиковъ поправлялъ его, и опять генералъ смѣясь повторялъ: „полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ самъ Господь Богъ полюбитъ“. Послѣ нѣсколькихъ партій съ испанцемъ, генералъ предложилъ Чичикову сыграть одну или двѣ партіи, и тутъ Чичиковъ выказалъ необыкновенную ловкость. Онъ игралъ очень хорошо, затруднялъ генерала своими ходами, и кончилъ тѣмъ, что проигралъ; генералъ былъ очень доволенъ

тѣмъ, что побѣдилъ такого сильнаго игрока, и еще болѣе полюбилъ за это Чичикова. Прощаясь съ нимъ, онъ просилъ его возвратиться скорѣе и привезти съ собою Тентетникова. Пріѣхавъ къ Тентетникову въ деревню, Чичиковъ разсказываетъ ему, какъ грустна Улинька, какъ жалѣетъ генералъ, что его не видитъ, что генералъ совершенно раскаивается, и чтобы кончить недоразумѣніе, намѣренъ самъ первый къ нему пріѣхать съ визитомъ и просить у него прощенія. Все это Чичиковъ выдумалъ. Но Тентетниковъ, влюбленный въ Улиньку, разумѣется, радуется предлогу, и говоритъ, что если все это такъ, то онъ не допуститъ генерала до этого, а самъ завтра-же готовъ ѣхать, чтобы предупредить его визитъ. Чичиковъ это одобряетъ, и они условливаются ѣхать вмѣстѣ на другой день къ генералу Бетрищеву. Вечеромъ того же дня Чичиковъ признается Тентетникову,—что совралъ, разсказавъ Бетрищеву, что будто бы Тентетниковъ пишетъ исторію о генералахъ. Тотъ не понимаетъ, зачѣмъ это Чичиковъ выдумалъ, и не знаетъ, что ему дѣлать, если генералъ заговоритъ съ нимъ объ этой исторіи. Чичиковъ объясняетъ, что и самъ не знаетъ, какъ это у него сорвалось съ языка; но что дѣло уже сдѣлано, а потому убѣдительно проситъ его, ежели онъ уже не намѣренъ лгать, то чтобы ничего не говорилъ, а только бы не отказывался рѣшительно отъ этой исторіи, чтобы его не скомпрометтировать передъ генераломъ. За этимъ слѣдуетъ поѣздка ихъ въ деревню генерала; встрѣча Тентетникова съ Бетрищевымъ, съ Улинькой, и наконецъ обѣдъ. Описаніе этого обѣда, по моему мнѣнію, было лучшее мѣсто второго тома. Генералъ сидѣлъ посрединѣ, по правую его руку Тентетниковъ, по лѣвую Чичиковъ, подлѣ Чичикова Улинька, подлѣ Тентетникова испанецъ, а между испанцемъ и Улинькой англичанка; всѣ казались довольны и веселы. Генералъ былъ доволенъ, что помирился съ Тентетниковымъ и что могъ поболтать съ человѣкомъ, который пишетъ исторію отечественныхъ генераловъ; Тентетниковъ тѣмъ, что почти противъ него сидѣла Улинька, съ которой онъ по

временамъ встрѣчался взглядами: Улинька была счастлива тѣмъ, что тотъ, кого она любила, опять съ ними, и что отецъ опять съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и наконецъ, Чичиковъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ примирителя въ этой знатной и богатой семьѣ. Англичанка свободно вращала глазами, испанецъ глядѣлъ въ тарелку, и поднималъ свои глаза только тогда, какъ вносили новое блюдо. Примѣтивъ лучшій кусокъ, онъ не спускалъ съ него глазъ во все время, покуда блюдо обходило кругомъ стола, или покуда лакомый кусокъ не попадалъ къ кому-нибудь на тарелку. Послѣ второго блюда генералъ заговорилъ съ Тентетниковымъ о его сочиненіи и коснулся 12-го года. Чичиковъ струхнулъ, и со вниманіемъ ждалъ отвѣта. Тентетниковъ ловко вывернулся. Онъ отвѣчалъ, что не его дѣло писать исторію кампаніи, отдѣльныхъ сраженій и отдѣльныхъ личностей, игравшихъ роль въ этой войнѣ, что не этими геройскими подвигами замѣчателенъ 12-й годъ, что много было историковъ этого времени и безъ него; но что надобно взглянуть на эту эпоху съ другой стороны; важно, по его мнѣнію, то, что весь народъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту отечества; что всѣ расчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, какъ всѣ сословія соединились въ одномъ чувствѣ любви къ отечеству, какъ каждый спѣшилъ отдать послѣднее свое достояніе и жертвовалъ всѣмъ для спасенія общаго дѣла; вотъ что важно въ этой войнѣ, и вотъ что желалъ онъ описать въ одной яркой картинѣ, со всѣми подробностями этихъ невидимыхъ подвиговъ и высокихъ, но тайныхъ жертвъ! Тентетниковъ говорилъ довольно долго и съ увлеченіемъ, весь проникнулся въ эту минуту чувствомъ любви къ Россіи. Бетрищевъ слушалъ его съ восторгомъ, и въ первый разъ такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, какъ брильянтъ чистѣйшей воды, повисла на сѣдыхъ усахъ. Генералъ былъ прекрасенъ; а Улинька? Она вся впилась глазами въ Тентетникова, она, казалось, ловила съ жадностію каждое его слово, она, какъ музыкой, упивалась его рѣчами, она любила его, она

гордилась имъ! Испанецъ еще болѣе потупился въ тарелку, англичанка съ глупымъ видомъ оглядывала всѣхъ, ничего не понимая. Когда Тентетниковъ кончилъ, водворилась тишина, всѣ были взволнованы.... Чичиковъ, желая помѣстить и свое слово, первый прервалъ молчаніе. „Да, сказалъ онъ, страшные холода были въ 12-мъ году!“—„Не о холодахъ тутъ рѣчь,“ замѣтилъ генералъ, взглянувъ на него строго. Чичиковъ сконфузился. Генералъ протянулъ руку Тентетникову и дружески благодарилъ его; но Тентетниковъ былъ совершенно счастливъ тѣмъ уже, что въ глазахъ Улиньки прочелъ себѣ одобреніе. Исторія о генералахъ была забыта. День прошелъ тихо и пріятно для всѣхъ.—Послѣ этого, я не помню порядка, въ которомъ слѣдовали главы; помню, что послѣ этого дня Улинька рѣшилась говорить съ отцомъ своимъ серьезно о Тентетниковѣ. Передъ этимъ рѣшительнымъ разговоромъ, вечеромъ, она ходила на могилу матери, и въ молитвѣ искала подкрѣпленія своей рѣшимости. Послѣ молитвы, вошла она къ отцу въ кабинетъ, стала передъ нимъ на колѣни и просила его согласія и благословенія на бракъ съ Тентетниковымъ. Генералъ долго колебался и наконецъ согласился. Былъ призванъ Тентетниковъ, и ему объявили о согласіи генерала. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ мировой. Получивъ согласіе, Тентетниковъ, внѣ себя отъ счастья, оставилъ на минуту Улиньку, и выбѣжалъ въ садъ. Ему нужно было остаться одному, съ самимъ собой: счастье его душило!... Тутъ у Гоголя были двѣ чудныя лирическія страницы.—Въ жаркій лѣтній день, въ самый полдень, Тентетниковъ въ густомъ, тѣнистомъ саду, и кругомъ его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описанъ былъ этотъ садъ, каждая вѣтка на деревьяхъ, палящій зной въ воздухѣ, кузнечики въ травѣ, и всѣ насѣкомыя, и наконецъ все то, что чувствовалъ Тентетниковъ, счастливый, любящій и взаимно любимый!—Я живо помню, что это описаніе было такъ хорошо, въ немъ было столько силы, колорита, поэзіи, что у меня захватывало дыханіе. Гоголь читалъ превосходно! Въ избыткѣ чувствъ,

отъ полноты счастья, Тентетниковъ плакалъ и тутъ же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невѣстѣ. Въ эту минуту, въ концѣ аллеи, показывается Чичиковъ. Тентетниковъ бросается къ нему на шею и благодаритъ его. „Вы мой благодѣтель, вамъ обязанъ я моимъ счастіемъ; чѣмъ могу возблагодарить васъ?.. всей моей жизни мало для этого....“ У Чичикова въ головѣ тотчасъ блеснула своя мысль. „Я ничего для васъ не сдѣлалъ; это случай, отвѣчалъ онъ, я очень счастливъ, но вы легко можете отблагодарить меня!“ „Чѣмъ, чѣмъ?“ повторилъ Тентетниковъ, „скажите скорѣе, и я все сдѣлаю.“ Тутъ Чичиковъ разсказываетъ о своемъ мнимомъ дядѣ, и о томъ, что ему необходимо хотя на бумагѣ имѣть 300 душъ. „Да зачѣмъ же непремѣнно мертвыхъ?“ говоритъ Тентетниковъ, не хорошо понявшій, чего собственно добивается Чичиковъ. „Я вамъ на бумагѣ отдамъ всѣ мои 300 душъ, и вы можете показать наше условіе вашему дядюшкѣ, а послѣ, когда получите отъ него имѣніе, мы уничтожимъ купчую.“ Чичиковъ остолбенѣлъ отъ удивленія! „Какъ, вы не боитесь сдѣлать это?.. вы не боитесь, что я могу васъ обмануть... употребить во зло ваше довѣріе?“ Но Тентетниковъ не далъ ему кончить. „Какъ? воскликнулъ онъ, сомнѣваться въ васъ, которому я обязанъ болѣе чѣмъ жизнію.“ Тутъ они обнялись, и дѣло было рѣшено между ними. Чичиковъ заснулъ сладко въ этотъ вечеръ. На другой день въ генеральскомъ домѣ было совѣщаніе, какъ объявить роднымъ генерала о помолвкѣ его дочери, письменно или черезъ кого-нибудь, или самимъ ѣхать. Видно, что Бетрищевъ очень безпокоился о томъ, какъ примутъ княгиня Зюзюкина и другіе знакомые его родные эту новость. Чичиковъ и тутъ оказался очень полезенъ: онъ предложилъ объѣхать всѣхъ родныхъ генерала, и извѣстить о помолвкѣ Улиньки и Тентетникова. Разумѣется, онъ имѣлъ въ виду при этомъ все тѣ же мертвыя души. Его предложеніе принято съ благодарностію. Чего лучше? думалъ генералъ, онъ человѣкъ умный, приличный; онъ сумѣетъ объявить объ этой свадьбѣ такимъ образомъ, что